

ВОЕННО-ФАНАТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ОЛЕГ ТАРУГИН

**Танкоопасное
направление**

**«Броня
крепка!»**

Олег Таругин

**Танкоопасное направление.
«Броня крепка!»**

«Махров»

2013

Таругин О. В.

Танкоопасное направление. «Броня крепка!» / О. В. Таругин —
«Махров», 2013

ISBN 978-5-699-70371-5

Танковый фантастический боевик от автора бестселлера «Если вчера война». Обмен разумами между сталинским СССР и Россией XXI века. Наш современник переносится в тело танкиста Великой Отечественной, а тот оказывается в нынешней РФ. Пригодится ли боевой опыт ветерана Афганской войны в танковых сражениях 1943 года? Как «попаданцу» из будущего распорядиться своим знанием истории, чтобы не только выжить на передовой, но и переиграть прошлое? Станет ли сталинский танкист «прогибаться под изменчивый мир» – или останется советским человеком даже в наши дни? Примет ли он такое будущее – или скажет про нынешнюю РФ: «Бывали хуже времена, но не было подлей!» Книга также издавалась под названием "Танкисты. Перезагрузка. «Бывали хуже времена...»".

ISBN 978-5-699-70371-5

© Таругин О. В., 2013

© Махров, 2013

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	30
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Олег Таругин

Танкоопасное направление. «Броня крепка!»

Действующие лица романа и названия географических объектов вымышлены, и автор не несет никакой ответственности за любые случайные совпадения. Все приводимые в книге исторические и технические данные взяты исключительно из открытых источников либо также вымышлены.

Несмотря на то что действие книги частично происходит в годы Великой Отечественной войны, автор из этических соображений и уважения перед памятью павших героев постарается не описывать конкретные войсковые операции и будет избегать упоминания вошедших в реальную историю личностей.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в написании романа всем постоянным участникам форума «В Вихре Времен» (forum.amahron.ru), а также Андрею Бараненко (ака «Ех41») и Мариш Филоненко. Спасибо большое, друзья!

Пролог

Западная Сибирь, полигон «объекта 873», 1984 год

Установленное в неглубоком капонире орудие было самой обычной армейской гаубицей Д-30 калибром сто двадцать два миллиметра. Раскорячившись на трехстанинном лафете и смешно задрав висящие над землей колеса, она стояла на прямой наводке, глядя в склон поросшей редким ельником невысокой сопки в полукилометре. Облаченный в общearмейское обмундирование без знаков различия расчет только что загнал в ствол снаряд, извлеченный из тяжелого металлического контейнера со знаком радиационной опасности на крышке, и гильзу. Наводчик, прикинув к панораме, аккуратно докручивал маховички точной наводки. Остальные отошли в сторону, перекуривая и о чем-то негромко переговариваясь.

Все, как обычно и происходит на учебных стрельбах, разве что орудийная обслуга, несмотря на обмундирование, как-то не слишком походила на профессиональных военных, да и двигались все трое неспешно, словно понятия не имея ни о каких временных нормах. Впрочем, наиболее странным казалось вовсе не это – ствол гаубицы примерно на треть скрывался в непонятном сооружении, напоминающем стоящую на земле массивную металлическую коробку на полозьях-волокушах, выкрашенную в утилитарный темно-серый цвет. От разъемов в бортах отходило множество кабелей, частью уходящих к накрытому масксетью кунгу, но в основном стелющихся по бетонированным канавкам в направлении видневшегося неподалеку размалеванного зелено-коричневыми пятнами приземистого железобетонного горба входа в подземный бункер. Со стороны непонятной «коробки» доносился негромкий гул, словно внутри располагался мощный трансформатор, так что можно было предположить, что хотя бы часть кабелей подавала к ней ток высокого напряжения.

– Ну, что, начнем, пожалуй, Сергей Владимирович? – стоящий метрах в десяти от орудия человек в такой же новенькой форме без погон и эмблем на отворотах, заметив, как оторвавшийся от прицела наводчик кивнул головой и отошел от гаубицы на несколько шагов, взглянул на замершего рядом гражданского в светлой летней рубашке с расстегнутым воротом и темных брюках, сегодняшним утром прилетевшего из Москвы. Тот пожал плечами:

– Как сочтете нужным, товарищ Мякишев. Я тут не более чем гость, пока не посвященный ни в какие подробности. Сами знаете, проект-то ваш разрабатывался в инициативном порядке, мы о нем только недавно узнали. Короче, не будем толочь воду в ступе, если все готово, так начинайте.

– Тогда поехали, – «обмундированный» ободряюще улыбнулся.

– Да, вот кстати, – он протянул собеседнику полевой бинокль. – Видите на склоне сопки мишень? Смотрите на нее. Будет, хм, занимательно. Не дожидаясь ответа, он повернулся к гаубице, в свою очередь, разрешающе отмахнув орудийному расчету. – Коля, если готов, то давай!

Гражданский, поднеся к глазам бинокль и найдя на склоне мишень, фанерный щит два на три метра с грубо нарисованным суриком красным кругом, напрягся, ожидая оглушительного грохота орудийного выстрела, однако ничего подобного не произошло. Вслед за рывком спускового шнура гаубица дернулась, но вместо ожидаемого раската раздался лишь негромкий, но гулкий хлопок. Щит-мишень даже не дернулся, хотя промахнуться с такого расстояния и в подобных условиях казалось просто немыслимым. Сергей Владимирович опустил бинокль и непонимающе взглянул на Мякишева, но тот лишь ухмыльнулся в ответ:

– Не ожидали? Думаете, промазали, и не понимаете, отчего нет звука? Охотно верю, в первый раз сам глазами хлопал. Ничего, скоро поймете.

Кто-то из артиллеристов – впрочем, артиллеристов ли? – открыл затвор, и из казенника вылетела блестящая, с закопченным срезом гильза, курящаяся сизым дымом. Значит, орудие выстрелило, никакой ошибки нет! Теперь столичный гость окончательно отказывался что-либо понимать. Нет, перед отъездом ему, инструктору отдела оборонной промышленности ЦК КПСС, разумеется, вкратце пояснили, что речь идет о совершенно секретном проекте Минобороны, но больше никаких подробностей не сообщили. То ли «на месте разбирайся, мы сами ничего толком не знаем», то ли просто не сочли нужным.

Впрочем, чутье подсказывало ему, что скорее первое. Вот и прилетел товарищ Акимов в эту глухомань, успев аккурат к началу завершающего, как ему сообщили, эксперимента. А название у проекта все-таки дурацкое: «Прокол». Куда прокол, чего прокол?! Или «кого»? Когда дырку для ордена вертишь – это хороший прокол, правильный. А вот если наоборот... Ох, как бы и ему тут того, гм, не проколоться! Еще и пушка эта странная – стрельнуть стрельнула, а никуда не попала. А ведь он сам видел, как в нее снаряд заряжали!

– Пойдемте, товарищ Акимов? – весело спросил Мякишев, делая шуточный приглашающий жест. – А то все самое интересное без нас выкопают.

– Выкопают? – оторвавшись от своих размышлений, недоуменно переспросил тот, лишь сейчас заметив идущих в сторону сопки «артиллеристов», трое из которых несли в руках обыкновенные штыковые лопаты, а четвертый, тот самый, что перед тем работал у панорамы, армейский индукционный миноискатель. Кроме того, на его плече висела зеленая коробка полевого дозиметра ДП-5В.

– Ага, выкопают. Нужно ж снаряд найти?

– Но разве она, – столичный гость кивнул на пушку, возле которой суетились солдаты, на сей раз, похоже, вполне обычные, с погонами на плечах, – выстрелила?

– А как же, Сергей Владимирович, еще и как выстрелила! Вот только не в нашем времени.

– Что?! Шутите, товарищ Мякишев?

– Нисколько. Подождите с полчаса, скоро все поймете, я ведь говорил. Идемте?

– Пошли, – тяжело вздохнул уставший от научных непоняток Акимов.

Проходя мимо странного устройства, внутрь которого, если верить объяснению, стреляла гаубица, он повернул голову... и замер, пораженный, на месте. Направленная в сторону сопки – иными словами, расположенная прямо напротив среза ствола – сторона «сооружения» оказалась абсолютно глухой, металлической, выкрашенной все той же шаровой краской. Никаких технических отверстий или свежих пробоев от вылетевшего из ствола снаряда не было. *Вообще не было...*

Глава 1

Демократическая Республика Афганистан, 1989 год

Их зажали... ох, как их грамотно зажали! Словно по учебнику о тактике партизанских засад на пути прохождения войсковых колонн. Обострившееся за полгода войны и ставшее почти привычным *чувство* не подвело и на этот раз. Как обычно, сладко засосало где-то под ложечкой и тревожным холодком шевельнулось в животе. И, словно отозвавшись на неслышимый человеческому уху призыв, по броне звонко сыпанули первые душманские пули. Смертоносным дождем простучали наискосок и, словно обидевшись на ее неподатливость, понеслись к идущим следом тентованным грузовикам и бензовозам, выбивая из запыленных лобовых стекол белесые фонтанчики и насквозь прошивая колышущийся в такт движению выгоревший брезент.

Первым среагировал механик-водитель – опытный парняга, уже практически дембель, дослуживающий в составе ограниченного контингента последние недели. Газанул, одновременно резко выворачивая штурвал вправо и выводя машину из-под вероятного гранатометного удара. Это ему почти удалось, и прилетевшая откуда-то сверху, с усыпанных каменистыми развалами склонов кумулятивная смерть, вместо того чтобы проломить крышу и превратить бронетранспортер в братскую могилу для экипажа и десанта, ударила в массивную корму. «Семи-десятка» судорожно дернулась, ушла в сторону и замерла на пыльной каменистой обочине, зависнув передними колесами над обрывом. Ощутимо потянуло дымом – загорелся разбитый гранатой двигатель. Бензиновый, между прочим; точнее, два карбюраторных ЗМЗ-4905, весьма горячих в подобных условиях и подобном жарком климате.

– Наружу! – коротко рявкнул Дмитрий, одной рукой подхватывая автомат, а другой держа стопор десантного люка. Подпружиненная дверца распахнулась на удивление легко – он боялся, что заклинит, как бывало не раз. И запертые в чреве обреченной бронемашины люди потеряют несколько драгоценных секунд, каждая из которых грозила гибелью. Но – обошлось.

Кувыркнувшись из люка и распластавшись на земле, дал длинную, в полмагазина, нецельную очередь по горному склону; снова перекатился и позволил себе оглянуться на подбитый БТР. Как раз вовремя, чтоб увидеть, как из всех люков полыхнуло огненно-рыжее, перебитое черными дымными тяжами пламя – то ли взорвался топливный бак, то ли духи засадили в бэтээр еще одну гранату, что скорее. Волна горячего, обжигающего воздуха накрыла Диму, заставляя еще плотнее вжиматься в эту, в общем-то, абсолютно чужую, но уже обильно напоенную кровью советских пацанов землю. Казалось, от нестерпимого жара горящего бензина вспыхнет одежда и начнут рваться боеприпасы в десантной разгрузке, однако страха он отчего-то не испытывал...

...потому что гораздо страшнее было видеть своих попавших в огненную ловушку ребят, живыми факелами вываливающихся из люков прямо в лужу пылающего бензина...

Зарывав от собственного бессилия, парень рванулся в сторону, вновь меняя позицию и стремясь поскорее отползти от горящей машины – при таком пламени до взрыва боекомплекта оставались считанные секунды. А шансов уцелеть, находясь столь близко, не оставалось; особенно если брать в расчет загруженные в БТР и закрепленные снаружи на броне ради экономии места в грузовиках ящики с ручными гранатами, выстрелами к РПГ и патронными цинками для одного из дальних гарнизонов.

Выпустив еще очередь, Дмитрий сменил магазин, отшвырнув в пыль пустой, и пополз между камнями обочины. Пули беззлобно посвистывали над головой, визгливо рикошетиро-

вали от брони, сухо шелкали о каменистую дорогу, поднимая фонтанчики пыли и разбрасывая мелкие камешки, – вражеский огонь был плотным, но пока не слишком прицельным. Ситуация, в принципе, однозначно патовая. Их вполне профессионально зажали в клещи перекрестным огнем и теперь не спеша расстреливают. Бэтээр шел замыкающим, возглавляла колонну БМП лейтенанта Ерошкина, ныне застывшая поперек дороги, со съехавшей набок башней и выбитыми ударной волной люками, жарко пылающая и щедро фонтанирующая рвущимся боекомплексом. Десанта, перед тем сидевшего на броне, видно не было, даже трупов – смело взрывом. Объехать подбитую бронемашину никакой возможности не оставалось, спихнуть с дороги – тем более. Да и как ее спихнешь, если идущий следом «КамАЗ»-бензовоз ахнул, разбрасывая в стороны тонны пылающей смерти, – то ли из эрпэгэ засадили, то ли зажигательная или трассирующая пуля из крупняка пробила тонкий алюминиевый борт цистерны. Классический расклад, одним словом, рванули первую и замыкающие машины, а теперь добивают запертую на узком серпантине куцую колонну.

Куда важнее другое: ждали именно их и точно знали, что они пойдут сегодня. Колонну, у которой изначально не могло остаться ни одного шанса. Впрочем, это уже вопрос к тому сидящему в штабе офицеру, кто считал возможным и нормальным отправить в рейс два десятка необстрелянных пацанов, недавно прибывших из Ферганской учебки, под прикрытием одного бэтэера и одной старенькой «братской могилы пехоты». И помочь этим мальчишкам, спешащим скорее покинуть насквозь прошитые очередями кузова расстрелянных машин лишь для того, чтобы тут же попасть под кинжальный огонь на дороге, Дима, несмотря на весь свой приличный боевой опыт, не мог. Если бы его парни успели покинуть подбитый бронетранспортер чуть раньше – у них был бы шанс. Крохотный, почти нереальный шанс отвлечь боевиков на себя и дать пацанам на дороге возможность попытаться уцелеть. Ключевое слово, впрочем, именно попытаться...

За спиной оглушительно грохнуло – похоже, все, что находилось в бэтэере взрывоопасного, сдетонировало одновременно. Сорванная с погона башня нелепо кувыркнулась куда-то вправо, выбитые ударной волной люки раскидало далеко в стороны.

Уперев разложенный приклад АКСа в землю, Дмитрий наугад выстрелил из граника, благо ВОГ-25, в нарушение всех мыслимых и немыслимых инструкций, естественно, находился в стволе. И доразрядил магазин в направлении огрызающейся желтоватыми султанчиками ответного огня горы. В стороне рванул еще один бензовоз, рыже-черное пламя на миг замерло пародией на ядерный гриб, тут же растекаясь по дороге тоннами пылающего горючего. Если сейчас на помощь не придут «вертушки», не проредят харкающиеся огнем склоны ракетами, всем полный и абсолютный песец. И полетят в далекий Союз похоронки, обгоняя «черный тюльпан», загруженный десятками цинков с «грузом двести»...

– Суки... – Дмитрий привстал, разряжая по горному склону предпоследний магазин. Смерти он не боялся. Боялся другого – остаться последним уцелевшим; боялся, что шальная душманская пуля перебьет руку, и он не сумеет выдернуть чеку последней же гранаты. Просто слишком хорошо знал, что они сделают с попавшим в плен шурави...

Стремительная огненная пчела клюнула в бок, и почти сразу же вторая – в плечо, припечатывая к каменистой дороге. Автомат отлетел в сторону, слишком далеко, уже не достать. Зарывав от ненависти и отчаяния, парень заелозил здоровой рукой по разгрузке, нащупывая кармашек с РГД. Живым он им не сдастся, это уж точно! Хрен вам на рыло, длинный такой, мужицкий, хоть так и не познавший женщины! Десант, мля, не сдастся!..

Внезапно над головой с оглушительным грохотом проплыл голубобрюхий, с красной звездой в белой каемке силуэт штурмового «крокодила». От серебристых, закопченных частыми стрельбами бочонков пусковых установок НУР протянулись дымные тяжи, утыкаясь в горный склон и перемешивая мертвые камни и живые тела в огненно-кровавом единении смерти. Следом прошла еще одна «вертушка», и еще...

Улыбнувшись окровавленным – разбил губы, пока по дороге кувыркался – ртом, сержант ВДВ Дмитрий Захаров тяжело распластался на пыльной поверхности горной дороги. Душно воняло тротилом и кордитом, кисловато – сгоревшим порохом, химически – обгорающей краской, бензином и солярккой – и железисто – кровью. Нестерпимо хотелось жить. И пить. Но жить – больше. Вот только сил на это уже не оставалось. Выгоревшая под жарким кандагарским солнцем «афганка» потемнела и отяжелела с правой стороны, пропитавшись сочащейся из ран кровью. Он знал, что погружаться в беспмятство нельзя; что нужно как можно скорее вытащить из кармашка оранжевую коробочку индаптечки и вколоть себе противошоковое, омнопон в одноразовом шприц-тюбике, но руки словно налились свинцом – не тем, что, будучи втиснут в исчерченную следами нарезов латунную оболочку, пробил его тело, а другим, хрестоматийным, неподъемным, тяжелым... сонным...

Проводив угасающим взглядом еще один заходящий на цель в обрамлении сброшенных тепловых звездочек-ловушек, чем-то похожих на бенгальские огни из далекого детства, вертолет, Захаров перевернулся на спину, раскинул руки и, застонав от пронизавшей все его существо боли, потерял сознание.

И в который уже раз проснулся с криком на мокрой от пота, скомканной простыне...

Дмитрий Захаров, недалекое будущее

Тяжело сев на краю кровати, Дмитрий поднял с пола упавшую подушку и потряс головой, прогоняя остатки очередного ночного кошмара, одного из тех, что с завидным постоянством посещали его не реже пары раз в месяц. Нашупав ногами тапки, протопал в кухню и, не зажигая света, поставил на плиту чайник. Потер внезапно занывшие бок и плечо – старые раны после подобных снов всегда давали о себе знать.

Если верить мерцавшему мертвенно-зеленым жидкокристаллическим светом дисплею электронных часов, встроенных в дверцу холодильника, половина четвертого утра. Нормально, самое время для воспоминаний, приходящих отчего-то всегда в один и тот же срок, между двумя и четырьмя. «Хоть какое-то постоянство в жизни», – как он, бывало, шутил. Опустившись на табурет, тупо уставился на голубенький венчик зажженной конфорки. Мирный домашний огонь вовсе не походил на злое кипящее пламя пылающей солярки из недавнего сна – и далекой, почти тридцатилетней яви.

Тяжело вздохнув, он встал и, открыв холодильник, вытащил полупустую бутылку водки. Не делая ни одного лишнего движения, достал из шкафчика над мойкой стакан, бесшумно опустил на стол и налил ровно половину. Закрутив пробку, убрал бутылку и молча выплеснул содержимое в глотку, не закусывая и не запивая. Снова опустился на табурет, нашаривая на столе пачку сигарет. Закурил одновременно с жизнерадостной трелью закипевшего чайника. Привычный и грустный ритуал, уже давно ставший неотъемлемой частью жизни – по крайней мере с тех пор, как ушла Оля, его первая и единственная жена. Ушла тихо, без ссор и скандала, однажды просто собрав вещи и оставив на кухонном столе записку, придавленную пепельницей. Не к любовнику, нет – просто ушла, не выдержав этих его ночных кошмаров, ежедневного пьянства – был и такой период, был – и дневного молчания. Впрочем, даже окажись он в тот момент дома, останавливать бы не стал, равно как и разыскивать после, прекрасно все понимая. Все равно это была не жизнь, хорошо, хоть ребеночка не родили, не пришлось безотцовщиной оставлять. Причина? Да сам он причина и есть, кто ж еще, не Ольку ж винить? Слишком уж многое надломилось в нем на горных перевалах и извилистых серпантинах той войны...

Другие, бывало, нормально со своим прошлым уживались, в люди, как говорится, выходили и новую жизнь начинали. Кто-то уходил в предпринимательство, благо кооперативы уже прочно заняли свое место в жизни советских людей, кто-то поступал в училище или институт, кто-то оказывался среди братков, где либо погибал в первые же годы, либо поднимался доста-

точно высоко в преступной иерархии или бизнесе. А он вот – не смог. Нет, высшее образование получил и на работу по специальности, на радость родителям, устроился, а вот затем, лет через пять, на него и *накатило*. Так накатило, что уж больше и не отпустило. За все эти годы он и с сослуживцами-то встречался от силы пару раз, всеми правдами и неправдами отказываясь от предложений отметить день вывода войск из Афганистана или выпить водки и искупаться в фонтане на второе августа.

Просто не хотелось – и все.

В эти дни – и еще в один, тот самый, когда разгромили на горном серпантине их колонну – он, наоборот, даже из дома не выходил, заранее закупая водку, немудреную закуску и курево. Просто сидел в четырех стенах ипил, поминая погибших друзей и вспоминая выживших, многие из которых, увы, точно так же, как и он сам, так и не нашли себя в мирной жизни. Впрочем, уже довольно скоро жизнь стала не столь уж и мирной – Карабах, Баку, Приднестровье и, наконец, Чечня...

А недавно появилась Игра. Именно так, с большой буквы. И он неожиданно понял, что это именно то, о чем он неосознанно мечтал все эти годы. Игра стала для него возможностью уйти от себя и своих воспоминаний, пусть ненадолго, но уйти. Из воспоминаний об одной войне переселиться на войну другую, на сей раз – виртуальную. Где все точно так же, как в реальности, но ты никого не убиваешь на самом деле. И никто не убивает тебя и твоих друзей... по крайней мере так он считал...

По-прежнему не зажигая света, Дмитрий заварил крепкий сладкий чай, докурил, аккуратно затушив окурки в пепельнице – той самой, ага! – и вернулся в комнату, усевшись за приветливо гудящий компьютер. Спать уже не придется, это точно, «проверено временем», как в какой-то старой рекламе говорилось. Сегодня пятница, то есть уже суббота, так что о работе можно пока не думать. Ох, да какая работа, он же третий день в отпуске. Не, ну нормально, даже про отпуск забыть!.. Сыграть, что ли?

На отозвавшемся на движение беспроводной мыши мониторе развернулось привычное меню сетевой игры нового поколения «Великая Отечественная война: танковая схватка». В углу экрана мигало доставучее «доступна обновленная версия, хотите ли вы запустить обновление сейчас?». Поморщившись, Дмитрий злорадно кликнул «нет» – в отличие от множества подобных сетевух, «Схватка» позволяла играть даже на старых версиях баз данных, не требуя от игрока обязательного обновления.

Захаров привычно ввел логин и пароль, пробежал глазами сводки последних сражений – реальных, между прочим, сражений Великой Отечественной, скрупулезно воссозданных разработчиками на основании архивных данных чуть ли не поминутно, а вовсе не смоделированных компьютером или написанных программистами, как это делается в других симуляторах! Никаких «боев у поселка N летом такого-то года» в игре не имелось с первого дня ее появления. Хочешь сражаться? Выбери реальную боевую операцию, дату и танк. А порой не только танк, но даже и экипаж.

Впрочем, наслаждавшиеся небывалой достоверностью происходящего «по ту сторону монитора» игроки в подавляющем большинстве на подобное внимание не обращали. Ну, участвуют они не в выдуманном компом бою, а в реально произошедшем в далеком прошлом, отстоящем от привычного настоящего на семь с лишним десятилетий сражении, и что с того?! Ведь там все так по-настоящему, так реально и осязаемо благодаря ЕСП¹ – эффекту полного присутствия! Мнемопроектор и киберперчатки позволяют и на самом деле ощутить себя в раскаленном, заполненном пороховым дымом и солярочной гарью танке – что еще нужно? Ну, а если не хочется выбирать конкретный бой, можно включить случайный выбор, и программа сделает все сама, ориентируясь на прошлые предпочтения, касающиеся боевой тех-

¹ Effect of complete presence (англ.) – эффект полного присутствия.

ники, и на результаты отыгранных сражений, в которых ты набрал то или иное количество «боевого опыта». И, если раньше ты показывал наилучший результат за рычагами Т-34, а воюя на тяжелом танке, сразу же проваливал миссию, будь уверен, тебя «посадят» именно в «тридцатьчетверку» или в наиболее близкую ей по тактико-техническим характеристикам бронемашину, а вовсе не в КВ, ИС или «Тигр».

В новостях ничего интересного не обнаружилось – все, как всегда. Ладно, что там до рассвета осталось, считанные часы. Можно и сыграть. Главное, не заиграться, как уже бывало. Хотя на этот случай предусмотрен встроенный в игровой интерфейс «таймер возврата», автоматически разрывающий соединение спустя заданный период времени, от минимальных тридцати минут до максимальных двадцати четырех часов. А вот дольше – ни-ни! За этим разработчики следили более чем строго, поскольку слишком длительное нахождение в игровом виртуальном пространстве могло нанести мозгу геймера непоправимый вред, и получать миллионные иски от родственников пострадавших никто не собирался. Правда, какой именно вред, никто точно не знал, но «таймер возврата» был одним из самых надежных, многократно продублированных компонентов программы...

Натянув на голову упругий обруч с обрезиненными кругляшами нейродатчиков, а на кисти – ажурные сенсорные перчатки, напоминающие медицинские датчики, соединенные воедино множеством проводов в эластичной оплетке, Дмитрий отдал мысленный приказ войти в игру – в этом случае пользоваться мышью или клавиатурой уже не было нужды. Спустя секунду тело привычно расслабилось в объятиях эргономичного компьютерного кресла. В настоящем осталась лишь физическая оболочка, а сознание, разум – или душа, если угодно, – погрузилось в совсем иную реальность, виртуальную. Об истинной сути которой он, впрочем, даже не догадывался.

Как и многие сотни других игроков по всему миру, наивно полагавших, что на виртуальных полях сражений, пусть даже и воссозданных с поражающей воображение точностью, они воюют с такими же сетевыми геймерами...

Глава 2

Василий Краснов, 1941 год

К началу осени деревенька Видово, еще три месяца назад уютно раскинувшаяся в излучине реки, осталась только на довоенных картах. Закопченные печные трубы в обрамлении обугленных, разбросанных взрывной волной бревен, деревья с пожухлыми от жара, мертвыми листьями, черные проплешины выгоревшей травы, изрытая воронками бомб земля да зияющая провалами окон коробка единственного в деревне каменного здания, где до войны располагались сельсовет и клуб – вот и все, что осталось. Ну, разве что еще искореженные, перекопанные взрывами остовы автомашин и несколько сгоревших, с сорванными башнями танков за околицей, там, где авианалет накрыл СПАМ² и передвижную танкоремонтную мастерскую.

Виной тому оказался мост, что прикрывала советская зенитная батарея и который никак не вписывался в августовские планы блицкрига. Вначале по нему проходило пусть и слабенькое, но подкрепление сражающимся на переднем крае войскам, отчаянно пытавшимся хоть на день сдерживать рвущиеся вперед танковые клинья Гудериана. Затем, примерно с конца августа, по измочаленным траками доскам настила потянулись колонны отступающих войск, немногие уцелевшие танки, тащившие орудия автомашины и трактора и изможденные жарой и голодом беженцы, толкавшие тележки с нехитрым скарбом.

И все это время господствовавшая в воздухе немецкая авиация безуспешно пыталась уничтожить мозолящую глаза переправу. Редкий случай для начального периода войны, но это им так и не удалось. Более того, разбросанные за околицей мертвой деревни рваные куски дюралья да торчащий из воды в сотне метров от моста хвост сбитой «штуки», одной из нескольких снесенных с небосвода меткими залпами тридцатисемимиллиметровых скорострельных пушек, недвусмысленно говорили о том, что зенитчики не зря ели свой солдатский хлеб. Обозлившиеся немцы, разумеется, выместили ярость на ни в чем не повинной деревушке, за два авианалета стерев ее с лица земли вместе с укрывшейся под кронами колхозного сада мастерской. Впрочем, последнее оказалось чистой случайностью – «птенцам Геринга» просто повезло вместе с деревней накрыть и рембат с полудюжиной танков, о котором они до того даже не подозревали.

Когда потоки отступающих и беженцев истончились до отдельных ручейков и капель, бомбежки прекратились, поскольку теперь мост оказался необходим уже самим захватчикам. Зенитчики ушли, увозя с собой три последних уцелевших орудия, а немногословные мрачные саперы заминировали мост, подготовив его к взрыву. Но командование решило иначе, рассудив, что просто взорвать переправу мало, желательно еще и устроить рвущимся вперед немцам прощальную гастроль.

Вот и торчали они вторые сутки, будто чирей на заднице, дожидаясь передового отряда противника. «Они» – это два танка, «тридцатьчетверка» и «седьмая» бэтээшка раннего выпуска, да три сорокапятки, оставленные в качестве огневого заслона. Орудия окопали на возвышенном берегу реки по всем правилам, разместив в капонирах и тщательно замаскировав срезанными ветками, благо времени хватало. Танки же решили не окапывать, оставляя им свободу маневра – в том, что немцы достаточно быстро подавят батарею, никто, в общем-то, не сомневался. Хорошо, если артиллеристы успеют сделать по пять-семь выстрелов, прежде

² СПАМ – «сборный пункт аварийных машин». В РККА и СА в период ВОВ – полевая мастерская по сбору (ремонту) поврежденной военной техники.

чем фрицы их раздолбают. Правда, и боекомплекта у «прощай, Родина»³ особого не имелось, снарядов по десять на ствол, не больше.

Зато танкистам жаловаться не приходилось, в «тридцатьчетверке» имелся полный боезапас, в БТ – половина. Если умело маневрировать, вполне можно устроить немцам весьма неприятный сюрприз. До моста по прямой всего метров пятьсот, любой вражеский танк в лоб взять – плевое дело, даже из сорокапятки. А уж если выкатиться прямо на берег, то и подавно. Пехотного прикрытия, правда, не нашлось, лишь четверо окруженцев, накануне затемно вышедших к Видову. Поразмыслив, немолодой резервист-лейтенант со знаками инженерных войск на петлицах, оставленный за старшего, приказал снять с бронемашин два ДТ и расположить по флангам. Поскольку запасных дисков имелось с избытком, можно было надеяться, что с час они продержатся, не позволяя немецкой пехоте перебраться через мост и закрепиться на берегу. А большего, собственно, и не требовалось...

Потому и сидели они, изнывая от летней, несмотря на раннюю осень, жары и дожидаясь немцев. Дождались, конечно: ближе к вечеру все и началось. Передовой мотоциклетный дозор в сопровождении полугусеничного бронетранспортера с пехотой пропустили безнаказанно, поскольку минировавшие мост саперы уверили, что при поверхностном осмотре замаскированные заряды не обнаружить. Сдержались, правда, с трудом – за три месяца войны разного насмотрелись, так что пальцы на спусковых крючках ох как чесались! Аж судорогой сводило от желания!

Так и вышло – покрутившись возле моста минут с пять и ничего не обнаружив, немцы оседлали железных коней и попылили дальше. А спустя полчаса на мост вполз первый танк, высокий и угловатый чешский Pz-38 (t) с утыканной заклепками башней, возглавлявший колонну из грузовиков, танков и бронетранспортеров. Как и было договорено, танк и идущие следом три первые машины пропустили, позволив миновать почти стометровый мост и съехать на берег. И лишь затем, дождавшись, пока колонна заполнит переправу на всем протяжении, лейтенант крутанул рукоятку подрывной машинки и замкнул контакты. Рвануло на славу, оба пролета вздыбились, мгновением спустя рухнув в кипящую от ударной волны и обломков воду вместе с охваченной пламенем, искореженной бронетехникой и автомобилями. И почти сразу же выстрелили все три пушки, успевшие заранее разобрать цели.

Первый снаряд сорвал у «Праги» башню, следующие превратили в огненные факелы идущие следом тентованные грузовики. Четвертому «Опелю» оказалось некуда деться с узкой дороги, и шофер испуганно свернул в кювет, однако не справился с управлением, и машина перевернулась, смятая кузов, откуда перепуганными тараканами сыпанули спасавшиеся пехотинцы. И тут же, верно подгадав момент, ударили пулеметы и выехавшие на открытое место танки, первым же залпом накрыв еще пару автомашин.

С этого момента по обе стороны взорванной переправы начался суший хаос, позволивший артиллеристам и наводчикам танков не спеша перезарядиться и разобрать новые цели. Залп – и еще два дымных факела на том берегу реки. Первый снаряд проломил борт замыкающему колонну Pz-IV, мгновенно загоревшемуся, второй разворотил идущий посередине колонны «Ганомат». Остальные, не найдя целей, разорвались среди мечущихся в дыму солдат. Впрочем, это уже не имело особого значения, поскольку теперь колонна оказалась гарантированно заперта в огненных клещах. Впереди – разрушенный мост, позади – подбитый и уже успевший разгореться танк. Съехать с дороги реально разве что танкам, поскольку глубокий кювет непреодолим для автомашин и бронетранспортеров. Да и танкам, съезжая, пришлось бы хоть на несколько секунд, но подставить борт, что на таком расстоянии от орудий означало верную смерть. Артиллеристы с танкистами тут же поспешили это доказать, третьим залпом подбив еще один танк и бронетранспортер.

³ Жаргонное прозвище сорокапятимиллиметровой противотанковой пушки обр. 1937 года.

Но вот затем немцы опомнились, перегруппировались, стараясь не подставляться под снаряды засевавших на доминирующей высоте русских канониров, и обрушили на батарею огонь уцелевших трех танков и двух самоходок. Полкилометра – крайне плохая дистанция для артиллерийской дуэли, но отличная для грамотного наводчика. Наводчик немецкой StuG-III оказался грамотным, прошедшим и Польскую кампанию, и Францию, и три первых месяца «Drang nach Osten»⁴. И осколочно-фугасный снаряд калибром 7,5 см угодил точнехонько в щит советского орудия, уже окончательно лишившегося маскировки, сметенной собственными выстрелами. По иронии судьбы, в этот миг явно не благоволящей советским артиллеристам, полукилограммовый осколок щита разбил панораму соседнего орудия, на излете снеся наводчику полчерепа.

Последняя уцелевшая сорокапятка успела выпустить еще пару осколочных гранат (бронбойных больше не оставалось), прежде чем очередной немецкий снаряд выбросил дымный фонтан земли между ее сошками, изломанными куклами разбросав в стороны обслугу и перевернув искалеченное орудие, беспомощно уткнувшееся в изрытую, воняющую тротилом землю стволом. И вот тогда наступил черед танкистов, до этого времени лишь поддерживавших огнем погибшую батарею. Звездный час вместе с лебединой песней, поскольку выбраться из боя живым никто особенно и не надеялся. Выкатившись на речной берег, оба танка открыли беглый огонь, делая с места один-два выстрела и тут же меняя позицию...

* * *

Угловатый, словно немецкие инженеры вовсе не слышали о таком понятии, как рациональный наклон брони, лобовой профиль танка вполз в поле прицела. Центральная прицельная марка лежала точно на полметра левее смотровой щели, и Василий резко опустил вниз подошву сапога, нажимая на спуск. Орудие выстрелило, и подсвеченный трассером снаряд унесся к цели. Лязгнул отброшенный откатом казенник, дымящаяся гильза глухо звякнула об полки боевого отделения. И в этот миг снаряд достиг цели, проломив сорокамиллиметровую броню. Немецкий танк, «четверка» с кургузым огрызком орудия в граненой башне, еще продолжал по инерции двигаться, но сдетонировавший боекомплект уже превратил боевое отделение в крематорий для экипажа. Неуловимой человеческим сознанием долей мгновения сплыв вылетели выбитые ударной волной люки, и сорванная с погона башня нехотя сползла на землю. Танк вспыхнул, выбросив в сентябрьское небо клуб жирного, траурного дыма.

Экипаж легкого танка тоже не терял зря времени и с первого же выстрела уничтожил съехавший на обочину и там застрявший тупорылый грузовик, всадив осколочную гранату прямо в радиатор, увенчанный опелевской «молнией». Несмотря на невеликий калибр, автомашине хватило выше крыши, причем в обоих смыслах этого слова: черно-рыжий огненный шар – видимо, в кузове нашлось нечто взрывоопасное или горючее – поднялся куда выше смятой взрывом кабины и снесенного ударной волной брезента.

Криво ухмыльнувшись, сержант Краснов зло сплюнул под ноги. Что, с-суки, думали, будет, как в июне? Как на границе, в Белоруссии? А вот хер вам на рыло! И пусть Красная Армия все еще отступает, но отступление отступлению рознь! И только что они очень неплохо это доказали – и еще докажут, пока не закончатся снаряды или прилетевшая из-за реки болванка не превратит их танк в обгорелую грудку мертвого металла.

По детской еще привычке закусив губу, Василий вновь приник к обрезиненному налобнику прицела, выискивая очередную цель. Сбоку металлически стукнул о край лотка новый снаряд, смазанно лязгнув затвор – орудие снова готово к бою, можно воевать дальше. Взрыкнув мотором и разбрасывая гусеницами песок, танк сменил позицию – недооценивать немец-

⁴ Drang nach Osten (нем.) – дословно: «натиск на Восток». Иногда переводится как «поход на Восток».

ких наводчиков не стоило. Правда, весь противоположный берег уже густо затянуло дымом от горящей техники и поднятой взрывами пылью, так что прицеливаться оказалось довольно проблематично, что немцам, что им самим. Поэтому следующий снаряд Краснов выпустил практически наугад, просто наведя орудие на смутно различимый сквозь импровизированную дымовую завесу не поврежденный с виду грузовик, развернувшийся поперек дороги. Дождавшись, пока башнер перезарядит орудие, выпалил еще раз, чуть сместив прицел по горизонтальной шкале. Смотреть, попал или нет, не стал, пихнув сапогом механика-водителя. Корма «тридцатьчетверки» окуталась облаком выхлопа, и танк дернулся, трогаясь с места. Широкие траки уминали мелкий речной песок, оставляя за собой глубокую колею; двигатель свирепо рычал, выдирая гусеницы из песчаного плена.

«На твердом грунте танк был бы куда маневренней, – неожиданно подумал сержант. – Похоже, зря мы на самый берег выперлись, сверху тоже нормальная позиция, пусть и у фрицев на виду, зато и не буксовали бы».

Хотя бэтээшке с ее узкими и гладкими, лишенными выраженного рельефа и грунтозацепов гусеницами, несмотря на вдвое меньшую массу, оказалось еще сложнее – танк ощутимо вяз в песке. Чем не преминул, несмотря на дрянную видимость, воспользоваться один из вражеских канониров. Василий не видел, кто стрелял и откуда, слышал лишь взрыв. Слышал не ушами, надежно защищенными наглухо застегнутым шлемофоном, а *броней*, в которую упруго толкнулась ударная волна. Одного брошенного сквозь панораму взгляда оказалось достаточно, чтобы понять: его танк остался в одиночестве. БТ навечно застыл на речном берегу, без башни, неведь куда отброшенной взрывом взорвавшегося боезапаса, со встопорщенными бронелистами, охваченный жадным пламенем горящего бензина из разорванных баков, окончательно мертвый...

Коротко выматерившись в адрес немецкого наводчика, Краснов скомандовал механику. «Тридцатьчетверка» плавно остановилась, и Василий выстрелил, как и в прошлый раз, практически неприцельно, просто уложив гранату туда, где метались в дыму фигурки фашистских солдат. Башнер пихнул в казенник очередной унитар. Выстрел! Еще один, и еще, и еще...

Он вовсе не испытывал судьбу, просто отчего-то знал, что сегодня, *именно вот сейчас*, его экипажу и машине ничего не грозит. Наитие? Да он и слова-то такого не знал, если уж честно, со своими-то семью классами школы да ускоренным выпуском танкового училища. Но действовал в точности так, словно по наитию выпуская за реку снаряд за снарядом и меняя позицию не раньше, чем после пяти выстрелов. Немцы, разумеется, стреляли в ответ, однако вражеские снаряды либо вздымали дымные грязные столбы воды у самого берега, либо расшвыривали песок.

А вот затем Краснов понял, что *все*. Край. Как в народе говорится, «жадность фраера губит». Пора и честь знать, то есть уходить. И отдал команду заждавшемуся мехводу, в мыслях уже успевшему не раз их всех похоронить. Танк, будто уловив настроение своего водителя, споро рванулся вперед, в несколько секунд преодолел пологий подъем и, подмяв покрытые пылью и копотью недолгого боя кусты, выбрался из простреливаемого из-за реки сектора.

Приняв на броню уцелевших бойцов во главе с резервистом-лейтенантом, Василий погнал танк на восток, вдогонку отступающим частям Красной Армии. Свою задачу они выполнили сполна, а приказа «стоять насмерть» им никто не отдавал. Пока не отдавал, ага. Переправа уничтожена, а колонна наступающих войск противника практически полностью разгромлена. Остаться возле Видова и дальше означало лишь одно: дожидаться вызванных немцами штурмовиков, которые просто-напросто смешают весь восточный берег с землей, благо опыт у них имелся, и опыт немалый. Да и цель знакома.

В этом бою, который, впрочем, вряд ли войдет в учебники по истории Великой Отечественной, выжили все минировавшие мост саперы, трое артиллеристов и двое из четверых окруженцев, пулеметным огнем так и не позволившие немцам закрепиться на берегу.

Клонящееся к горизонту солнце отбрасывало на лежащую под гусеницы танка пыльную дорогу длинные тени, устремленные вперед, к своим. Невесомый желто-серый шлейф стелился следом за «тридцатьчетверкой», покрывая придорожные кусты и выгоревшую, пожухлую за лето траву все новыми и новыми слоями бархатной пыли.

Стоял самый первый военный сентябрь.

До Победы оставалось еще три с половиной долгих года...

Дмитрий Захаров, недалекое будущее

«Танк уничтожен, экипаж погиб, машина восстановлению не подлежит», – провисев на поверхности экрана несколько секунд, надпись мигнула и исчезла. Раздраженно стянув перчатки и мнемoprojectор, Дмитрий бросил их на поверхность стола и, оттолкнувшись от пола, вместе с креслом отъехал в сторону, нисколько не жалея покрывавшего пол линолеума «под паркет».

Обидно, снова проиграл! А ведь бой начался с явным перевесом в пользу его экипажа! Машина, «тридцатьчетверка» образца сорок второго года, оказалась почти новой, недавно вышедшей из сборочного цеха СТЗ и без серьезных повреждений прошедшей всего пару боев. Экипаж? Тоже вполне на уровне, все, включая и командира, за которого он сегодня играл, успели повоевать, а заряжающий – так и вовсе недавно вернулся из госпиталя с новехонькой «отважной» медалью на промасленном комбесе. Судя по сведениям из личного дела, медаль ему вручили с формулировкой «за проявленную в бою с фашистскими оккупантами личную храбрость и спасение из огня, будучи раненным, командира и механика-водителя своего танка». Ага, именно что «из личного дела»! Еще одна необычная фишка игры – перед боем игроку предлагается «познакомиться» с будущим экипажем. Иногда и вправду оказывается полезным, потому Захаров, как правило, предложенный файл хоть бегло, но просматривал.

И все же он проиграл. Точнее, «они проиграли», поскольку экипаж в «Танковой схватке» все же не являлся просто компьютерной бутафорией со стандартным набором фраз или шуток. Некоторые геймеры на тематических форумах даже высказывали предположения, что и за остальных членов экипажа выбранной бронемашинки тоже играют живые люди, анонимно, разумеется. Впрочем, разработчики игры подобное категорически отвергали, утверждая, что в каждом экипаже может быть только один игрок, а остальные – не более чем высококачественная симуляция, созданная при помощи неких революционных программных технологий. Так ли оно обстояло на самом деле, не знал никто: разработчики и владельцы «Схватки» свято хранили свои тайны – или проводили хитрую рекламную акцию, ненавязчиво подогревая и без того зашкаливающий интерес к «ТС».

Ну, а сегодняшнее сражение? Поставленная задача на первый взгляд показалась несложной: силами танковой роты захватить на рассвете небольшую железнодорожную станцию, на которой, по данным разведки, застряло несколько немецких эшелонов с техникой, ГСМ и боеприпасами, дожидавшихся, пока ремонтные бригады восстановят разрушенные нашими бомбардировщиками пути. Отчего «пешки» заодно не смешали с землей и станцию, известно не было, а лишних вопросов никто, разумеется, не задавал. Сказано, захватить на рассвете – значит, захватим на рассвете. Если получится, конечно. Поскольку сейчас, весной сорок третьего, немцы, хоть и значительно подрастеряли былую спесь с прочим боевым духом, но дрались с прежним упорством, все еще надеясь на перелом в войне и победу. А до знаменитой Прохоровки оставалось еще несколько месяцев... Впрочем, о последнем *в этом времени* пока знал только Дмитрий.

Почему «в этом времени»? Нет, что вы, никакого раздвоения личности, вызванного излишне частыми играми, – всего лишь тот самый ЕСП, эффект полного присутствия. Или «полного погружения», как его еще иногда называли в среде профессиональных игроков. С

помощью мнемoprojectора, воздействующего непосредственно на кору головного мозга, геймер не только испытывал все ощущения своего персонажа – жару, боль, голод или, допустим, усталость, но и *размышлял* так, словно он и на самом деле являлся с ним одной личностью. Проще говоря, он, Дмитрий Захаров, коренной одессит, сорока с лишним лет, бывший «афганец» и нынешний специалист по оптоволоконным системам связи, например, одновременно являлся и двадцатилетним командиром танка с бортовым номером «108», старшим сержантом Иваном Торсовым, родом из небольшой деревеньки во Владимирской области. Он знал всю историю своего героя; помнил, как зовут его родных и что он, допустим, делал вчера – или неделю назад. Просто знал, помнил – и все. А заодно к нему переходили и все профессиональные навыки – умение водить танк, перезаряжать пушку, работать с радиостанцией или пользоваться орудийным прицелом. Оставаясь самим собой, он получал в довесок все прошлые знания и умения персонажа. Однако воевал именно он, Захаров, а вовсе не Торсов, «сознание» которого на время игры словно бы растворялось в разуме Дмитрия, подавлялось им.

Как именно разработчикам игры удалось добиться подобного уникального эффекта, Дмитрий даже понятия не имел. Да скорее всего и никто не имел, не только он. Вероятно, какое-нибудь там наложение на его реальную личность некой «фантомной» памяти или искусственно созданного сознания, симулированных теми самыми «революционными программными технологиями». Откровенно говоря, его подобные вопросы не особенно и интересовали – вполне хватало того, что он жил в игре, искренне переживая каждый даже проигранный бой. А вопрос «Каким образом они это делают?» – так это не для него, а для молодняка, что на форумах «Танковую схватку» обсуждает. Обсуждает не столько ради самой игры, сколько пытаясь разгадать некую «страшную тайну» ее создателей, наверняка существующую исключительно в их головах...

В общем, весьма кстати упавший перед рассветом туман помог роте скрытно подобраться к цели. Дождавшись условленного сигнала по радио, продублированного ракетой (радиостанция имелась только у комроты), с первыми лучами зари они ломанулись вперед, с ходу снеся выставленный на въезде на станцию противотанковый заслон.

Немцы, странное дело, нападение откровенно прошляпили, и ни одна из трех семидесятипятимиллиметровых PaK-40, с поистине тевтонской педантичностью укрытых в индивидуальных капонирах, не успела сделать ни единого выстрела. Режущий ухо скрежет сминаемого металла под днищами, неслышимые в реве дизелей и грохоте выстрелов вопли разбегающихся и гибнущих под гусеницами немцев – и все. В том смысле «все», что они ворвались на территорию станции. В тусклом рассветном свете уже виднелись длиннющие туши застывших на путях эшелонов, мелькали в дымном свете фар полуодетые фигурки мечущихся фрицев – ну, да, который год воюем, оккупанты уже давно именовались исключительно «фрицами» или «гансами», пусть даже и звались при этом вовсе даже Куртами, Вольфгангами и прочими Германами. Словно в известной песне, танки, «тремя огнем, сверкая блеском стали», с ходу расстреляли какое-то станционное строение с выбитыми высокими окнами, заложенными мешками с песком, похоже, бывший вокзал. Всадили несколько залпов в вагоны и платформы с укрытыми брезентом угловатыми тушами танков и «штурмгешютц» – судя по эффектным взрывам, попали, куда следовало, рвались вагоны на славу, наверняка боезапас везли, готовясь к грядущей великой танковой битве. Да и застывшие на путях цистерны тоже полыхали будь здоров, так что стоящие на платформах «панцеры» и САУ сполна получили свое.

Но на этом везение неожиданно и закончилось. Поскольку выяснилось, что эти два транзитных эшелона оказались не единственными. Имелся еще и третий, на дальних путях и оттого, видимо, разведкой не замеченный. И, что самое неприятное, к этому моменту почти разгрузившийся. А вез он, к сожалению, исключительно тяжелые танки Pz. Kpfw. VI Ausf. H, сиречь – «Тигры» первой серийной модификации, пять из девяти которых уже успели съехать с платформ и даже «переобуться» в штатные широкие гусеницы взамен узких транспортных.

Остальное, в общем-то, понятно... Ф-34 в лоб против «Тигра» с его броней в сто миллиметров не катит, особенно в условиях плохой видимости, усугубляемой не до конца сошедшим туманом и стелющимся по земле дымом от горящих эшелонов. А вот его длинноствольная KwK-36 калибром «восемь-восемь» – очень даже. И, прежде чем рассредоточившаяся по территории станции рота успела сжечь в борт три немецких танка, потеряв при этом две машины, остальные, заняв оборону, расстреляли с дистанции все уцелевшие «тридцатьчетверки»...

Последним, что запомнил Захаров, был угловатый корпус немецкого хищника, по самую башню скрытый штабелем запасных шпал. И жерло нацеленного прямо в лоб его танка ствола с массивным набалдашником пламегасителя. Дмитрий еще успел заорать мехводу, чтобы уходил в сторону, и пихнуть его сапогом в плечо, однако на большее ни ему, ни механику-водителю времени уже не хватило. Болванка вошла в лобовую плиту чуть левее задраенного по-боевому люка, легко проломила броню и, чуть изменив траекторию, воткнулась на излете в боеукладку.

Вспышка. Короткая, практически не осознанная ни периферическими нервными рецепторами, ни центральной нервной системой боль. Темнота. Смерть.

И та самая донельзя лаконичная надпись на мониторе: «Танк уничтожен, экипаж погиб, машина восстановлению не подлежит...»

Глава 3

Дмитрий Захаров, недалекое будущее

Сидя за кухонным столом, Дмитрий неторопливо курил, прокручивая в уме эпизоды проигранного боя, неудачного, почти как и все предыдущие. Хорошо бы сыграть еще раз, однако с этим имелись определенные сложности. По известной только лишь им самим причине разработчики «ТС» установили некий лимит – не более одного виртуального боя в сутки. Если геймер пытался снова войти в игру, его аккаунт автоматически блокировался до истечения двадцатичетырехчасового срока. Конечно, это не останавливало более-менее шарящего в сетевых технологиях человека – в конце концов, динамические IP или программы-анонимайзеры, способные обмануть защиту игрового сервера, пока никто не отменял, так что варианты имелись. С другой стороны, динамический IP-адрес можно при необходимости легко отследить, но ведь и он не пальцем делан, даром, что ли, местный политехнический почти что с красным дипломом закончил...

Отчего дело обстояло именно так, никто достоверно не знал, хотя на тех же тематических форумах и ходили упорные слухи, будто сделано это исключительно, дабы защитить разум игрока от чрезмерной психоэмоциональной перегрузки. В том смысле, что благодаря эффекту полного присутствия виртуальный бой ничем не отличается от боя реального, и сидящий за компьютером игрок испытывает такое же нервное напряжение, какое испытал бы, находясь внутри настоящего танка. Его разум на самом деле *верит* в происходящее, а тело, грубо говоря, просто не умеет сомневаться в решениях мозга. Ну, примерно так – Захаров никогда не имел к медицине и тем более к психологии ни малейшего отношения, однако с последним был вполне согласен. На себе, так сказать, испытал, особенно после первых виртуальных боев. Собственно, именно потому он и подсел на игру – исключительно от сумасшедшей, просто невыносимой реалистичности происходящего. Его разум – а следовательно, и сам он – искренне верил в происходящее, а большего ему и не требовалось, только эта реалистичность и искренняя вера в реальность происходящего. Спустя много лет он все-таки вернулся на свою войну...

Невесело усмехнувшись, Дмитрий затушил до фильтра сигарету в памятной пепельнице и бессмысленно уставился в распахнутое по летнему времени окно. Да, он правильно сформулировал – на игру он именно «подсел», словно на тяжелый наркотик. И, самое печальное – или, скорее, страшное? – абсолютно об этом не жалеет. Нисколько не жалеет. Поскольку, как уже говорилось, по-настоящему он живет именно там, в игре, а вовсе не в этой, так и оставшейся чужой, жизни, где нужно либо тупо плыть по течению, довольствуясь крошками со столов более успешных конкурентов, либо переть по головам, не считаясь ни с чем, чтобы хоть чего-то добиться.

Раздраженно дернув щекой, Захаров решительно поднялся на ноги. Табурет противно скрипнул ножками по ламинированному полу, издав один из тех звуков, которые Дмитрий терпеть не мог. Не «железом по стеклу», как Владимир Семенович пел, конечно, но все равно коробит. Вот и снова его в философию с оттенком глухого самосожаления потянуло, а это – плохой признак, обычно заканчивавшийся двухдневным – по числу выходных дней – запоем. Но – не сегодня. Поскольку сегодня он однозначно сыграет еще раз. И победит. Наверняка победит: надоело проигрывать, пусть даже и в самой навороченной в мире компьютерной игрушке. Победит, как не удалось победить тогда, в восемьдесят девятом, на пыльном афганском серпантине. И как побеждал семь с лишним десятилетий назад его дед, прошедший почти половину войны, с сорок третьего до сорок пятого, и завершивший боевой путь возле Бран-

денбургских ворот, где выпущенный насмерть перепуганным фольксштурмовцем фаустпатрон попал в двигатель его танка. Случилось это второго мая. И как знать, не этот ли выстрел спас ему жизнь, поскольку из всех танков их роты до Рейхстага дошел лишь один. Так что до «логова фашистского зверя» дед с экипажем шел по Берлину пешком, точнее, двигался короткими перебежками в составе наспех сформированной из безлошадных танкистов штурм-группы, оставив тем не менее автограф на одной из его изрешеченных пулями и осколками величественных колонн.

Затем было двадцать четвертое июня сорок пятого, Парад Победы, в котором Иван Захаров не участвовал, стоя вместе с боевыми товарищами (и запасными машинами, конечно) «вторым эшелон», то бишь теми, кто должен был в случае чего заменить внезапно вышедшие из строя танки. Но ни одна из бронемашин не напортачила, так что старшему Захарову не довелось, к величайшему сожалению, прогрохотать гусеницами верной «тридцатьчетверки» по мокрой брусчатке Красной площади мимо Мавзолея, на трибуне которого стоял сам Генералиссимус...

Итак, решено: сегодня он сыграет еще раз, хотя до того ни разу не нарушал правил «Танковой схватки». В конце концов, должность «инженер по наладке оптоволоконных систем» подразумевает отнюдь не только механическую прокладку трасс и их подключение, но и настройку пользовательских машин. А значит, он просто обязан шарить и в этой области, что, собственно, так и есть. Шарит, разумеется. Уж что-что, а обойти защиту игрового сервера сумеет, даже не прилагая к последнему особых усилий. Перекусить? Да нет, пожалуй, поесть можно и после – вряд ли он задержится в игре больше двух часов, ведь время «там» и «здесь» течет по-разному в чем он не раз уже убеждался. Пара реальных часов вполне может равняться добрым суткам игры. Простейшая аналогия – обычный сон, ведь еще давным-давно физиологи доказали, что сон, события которого субъективно длятся многими часами, на самом деле занимает считанные секунды. Нечто подобное, надо полагать, происходило и здесь посредством мнемопроектора, принцип действия которого до сих пор являлся одной из наиболее охраняемых тайн разработчиков «ТС».

Усевшись за компьютер, Дмитрий, скривив губы в короткой ухмылке, запустил одну достаточно специфическую программу с порядковым номером на единичку больше, чем у «широко известного в узких кругах» аналога, который любой легко может скачать в Интернете. Ну, вот, собственно, и все. Можно играть, поскольку теперь никто уже не свяжет заблокированную на сутки учетную запись «Танкист_34» с уникальным цифровым идентификатором⁵ его компьютера. Все гениальное просто, а простое, как известно, – гениально, ага...

Открыв игровой интерфейс, Захаров зарегистрировался как новый игрок «ДИМ-34-76» и, особенно не вдаваясь в подробности, выбрал танк, экипаж и год. Если теперь кто и попытается отследить по «ай-пи» его аккаунт, он как минимум **отправится на один из адресов Иган Хай Скул, что в штате Миннесота**, поскольку именно туда уведет преследователя хитрая программа.

Получив уведомление об активизации новой учетной записи – на абсолютно «левый» почтовый ящик, само собой, – он, не особенно вдаваясь в подробности, выбрал танк, привычную уже «тридцатьчетверку», экипаж и бой. Натянул перчатки и эластичный обруч мнемопроектора, расположив обрезиненные кругляши нейродатчиков на висках, лбу и затылке. И нажал замерцавшую на экране клавишу «ВСТУПИТЬ В БОЙ!». Мгновением спустя тело привычно расслабилось в кресле – как уже бывало десятки раз до того. Отныне его сознание более не принадлежало физической оболочке. По крайней мере до разрыва соединения с игровым сервером. Потому Дмитрий Захаров никак не мог видеть тревожной надписи, вспыхнув-

⁵ IP-адрес (Internet Protocol address) – идентификатор (уникальный числовой номер) сетевого уровня. Используется для адресации компьютеров в сети, например, Интернете.

шей на поверхности экрана: «Критическая ошибка. Сбой подключения к серверу базы данных. Текущий статус игрока и тип ошибки не определены. Выполняется экстренная перезагрузка и сохранение данных. Необходимость в откате системы будет определена по завершении. Пожалуйста, до окончания процесса не пытайтесь войти в игру или выйти из нее. Дождитесь уведомления игрового сервера. До окончания перезагрузки осталось 10 секунд... 9... 8... 7...».

Неожиданно игровой интерфейс, не дожидаясь окончания обратного отсчета, мигнул и свернулся в трей, а еще пару секунд спустя компьютер, высветив классический синий с белым текстом «экран смерти», ничуть не изменившийся за последние полтора десятилетия, самостоятельно перезагрузился, уже не включившись вновь...

Интерлюдия

Западная Сибирь, полигон «объекта 873», 1984 год (продолжение)

«Пропавший» снаряд нашли быстро. Сначала убрали в сторону ненужный более щит, использовавшийся исключительно для наведения орудия в определенную точку, затем один из подчиненных Мякишева с пять минут побродил по склону с миноискателем и уверенно воткнул в землю щуп:

– Здесь. Глубина меньше метра, – и добавил, стянув с головы наушники: – Как говорит Саныч, требуется пара неумных, но выносливых ребят с лопатами. А вас аж целых трое. Копайте, короче, мужики, обед скоро.

Оживленно гудя и обмениваясь понятными лишь им одним шутками, бывшие «артиллеристы» принялись за дело, вспарывая усыпанный пожелтевшей прошлогодней хвоей, абсолютно нетронутый дерн остро отточенными лопатами. Не прошло и пяти минут, как чей-то инструмент скрежетнул об металл.

– Вот, собственно, и все. Хотите посмотреть? – Мякишев кивнул в сторону ямы.

Непонимающе пожав плечами, Сергей Владимирович подошел ближе и заглянул в неглубокую яму, обрамленную вывороченной землей. На дне лежал снаряд. Тот самый, что видел совсем недавно, когда его доставали из контейнера и заряжали в орудие. Вот только выглядел он сейчас так, словно пролежал под землей не одно и даже не два десятилетия. Серая краска почти сошла с проржавевшего корпуса, хотя нанесенную черными буквами маркировку «ОФ-462» еще можно было разобрать. На латунном пояске четко просматривались следы нарезов, убеждая, что снаряд действительно прошел канал ствола.

– Почти как новенький, – прокомментировал Мякишев. – Сейчас Леша фон замерит, и будем извлекать. И – в лабораторию.

– Это... как? – несмотря на серьезную должность, занимаемую в столице, растерянно пробормотал Акимов. – Хотите сказать, это *тот самый* снаряд?

– Конечно, никакого другого тут по определению оказаться не может. Вот только... – Мякишев с довольной ухмылкой поглядел на пораженного собеседника. – Вот только, пока он летел, постарел на полвека. То бишь, выстрелили мы им только что, а в землю он воткнулся году, эдак, в тридцатом – тридцать пятом.

– А дозиметр зачем? – окончательно сбитый с толку Акимов задал вовсе не тот вопрос, что вертелся на языке.

Впрочем, на сей раз собеседник ответил серьезно, словно ждал этого вопроса:

– Вместо тротила внутри снаряда герметичная капсула с радиоактивными изотопами с разным периодом полураспада. С их помощью мы сможем точно... ну, относительно точно, конечно, определить, насколько далеко в прошлое удалось его забросить. Это второй эксперимент, в первый раз наш «гостинец» «постарел» всего на пятнадцать лет. А для чего нужен

радиометр? Теоретически капсула с долгоживущим изотопом могла разрушиться от перегрузки при выстреле или ударе о землю – видите, как смялась заглушка на месте взрывателя? Вот потому мы и проверяем, не произошло ли утечки. Пока ясно?

– Да, – с трудом выдавил сквозь внезапно пересохшее горло Акимов. – То есть... Сергей Николаевич, вы что же, нашли способ отправляться в прошлое?! Нет, мне, безусловно, говорили, правда, в очень общих словах, что ваша инициативная группа проводит некие эксперименты по изучению структуры пространства-времени, но чтобы настолько?!

– Товарищ Акимов, – тон собеседника внезапно стал подчеркнуто-деловым. – Вот о *подробностях* мы с вами поговорим чуть позже – и не здесь, договорились? Сами понимаете, всему свое время и место!

– Да, да, конечно же, я понимаю! Понимаю. Но это же поразительно! Это же...

– Когда я полностью введу вас в курс дела, поверьте мне, вы поймете, что не все столь радужно. Безусловно, это выдающийся прорыв в науке, но вот... впрочем, давайте не здесь. Ага, утечки радиации нет, отлично! Грузим нашего путешественника в контейнер и домой, в лабораторию. Там и продолжим разговор...

Москва, недалекое будущее

Поверхность массивного, сразу видно, директорского, стола была почти пуста. Плоский монитор с функцией 3D-мультимедиа, не особенно и навороченная беспроводная клавиатура и массивная хрустальная пепельница с единственным окурком. Да и весь кабинет выглядел под стать столу – огромный, почти двадцать квадратов, неотягощенный излишней мебелью и прочим «интерьером». Небольшой кожаный диван у противоположной от закрытого кремовыми ролетами окна, стол для совещаний, стоящий перпендикулярно к директорскому, четыре полукресла, по два с каждой его стороны, и офисный шкаф для документов за спиной. Последний, несмотря на весьма современный вид, выглядел жалко, будучи практически пустым – на полках покоились лишь три папки-скоросшивателя, невскрытая коробка с мини-DVD-R да какая-то дребедень, рассмотреть которую удалось бы, лишь подойдя вплотную и раскрыв дверцу из тонированного стекла.

Человек за столом поднял усталые глаза, не слишком дружелюбно взглянув на сидящего напротив подчиненного:

– Что значит сбой программы? В каком смысле сбой?

– В таком, в каком мы и представить не могли, – спокойно выдержав начальственный взгляд, собеседник, молодой человек лет тридцати, пожал плечами.

– А подробнее?

Снова короткое пожатие плечами:

– Я сбросил вам все материалы. Вы читали?

– Просмотрел, – человек устало потер переносицу. Неудивительно, впрочем, учитывая лежащие на столешнице очки, самые настоящие очки с толстыми стеклами в золоченой металлической оправе. И это во втором десятилетии двадцать первого века, когда даже те, кто не хотел носить контактные линзы, вполне могли позволить недорогую получасовую операцию компьютеризированной лазерной коррекции зрения! – Объясни сам. Хотя бы вкратце.

– Без проблем, – молодой человек в третий раз пожал узкими плечами. – Если кратко, то во время входа в игру одного из игроков не произошло штатной ассоциации его психоматрицы с разумом реципиента. В результате случайного сбоя сервера загрузки личностных баз данных имел место своего рода обратный эффект. В принципе теоретически мы знали, что подобное возможно, но абсолютно не ожидали, что произойдет на самом деле! Упрощенно говоря, он остался *там*, а реципиент, ну, то есть разум реципиента, перенесся сюда. Примерно так и произошло. Игрок там, в прошлом, а его реципиент – здесь, у нас. Все.

– Ну, и что теперь?

– Будем разбираться, хотя я и не представляю, каким образом можно осуществить обратный процесс. Для этого необходимо, как минимум, осознанное желание и донора, и реципиента, которого еще нужно найти. Если же он не захочет, то вернуть его окажется практически невозможно, даже накачав какой-нибудь транквилизирующей гадостью. Попытаемся, конечно, отследить по айпишнику, но проблема в том, что играл он анонимно, причем очень похоже, еще и применял программу, не позволяющую отследить адрес его компа...

Молодой человек внезапно замолчал, наткнувшись на тяжелый взгляд начальника:

– Игорек, ты хоть понимаешь, *чем* мы занимаемся и *кто* над нами стоит? Что за детский лепет – «будем разбираться», «попытаемся отследить», «играл анонимно»?! Он-то, может, и играл, *зато мы не играем!* Надеюсь, ты понимаешь, что может произойти, если ему удастся не просто остаться в прошлом, но еще и изменить историю?! Весь наш проект – и так балансирование на самой грани, и не мне объяснять тебе, сколько трудов стоило убедить их, – начальник коротко дернул головой в сторону потолка, – в необходимости реанимации «Прокола»? И что с нами всеми сделают, если все пойдет вразнос и наш «игрок» со всем своим послезнанием так и останется в сорок третьем году? Короче, у тебя и твоего отдела ровно сутки. Если не справитесь, буду просить помощи у кураторов. Хотя мне этого и очень не хочется, поскольку ты прекрасно понимаешь, чем это грозит...

Василий Краснов, недалекое будущее

Сознание возвращалось мучительно, словно после той памятной контузии и ранения зимой сорок второго, когда Василий почти полгода провалялся в госпитале. Ни эвакуопункта, ни дороги в тыл он не помнил, очнувшись в бинтах и гипсе уже на больничной койке. И лишь позже узнал, что оказался единственным выжившим из экипажа – повезло, остальные так и остались навечно в машине. Но сейчас? Какая контузия, откуда? Два дня назад их после нескольких недель тяжелых боев, стоивших почти всех танков бригады, отвели на переформирование в тыл. Не в глубокий, как полагалось бы – откуда уж тут глубокому тылу-то взяться? – но все-таки. Семьдесят с лишком верст от передовой – и на том спасибо. Если немец внезапно не ломанется, не прорвет жиденькую и неустойчивую, честно говоря, линию обороны, можно успеть получить новую технику и изготовиться к боям. А контузия? Да откуда ж ей тут взяться-то? Сдавали немногие уцелевшие машины, матчасть, получали не дошедшую до линии фронта почту, а многие – и заслуженные награды. Вечером, конечно, отметили окончание боев да обмыли награды, но без перебора: будь ты хоть трижды заслуженный фронтовик, а нарываться, попав в поле зрения замполита, не стоило. Хотя последний и вполне нормальный мужик, не пьет разве что... Спать, правда, разошлись задолго после отбоя, но разошлись вполне цивилизованно и культурно, то бишь на своих двоих, а не на плечах более трезвых товарищей. Так какая ж, на фиг, контузия?!

Не раскрывая глаз, Краснов осторожно поерзал, пытаясь понять, где он находится. Под ягодицами и за спиной ощущалось нечто мягкое, упругое и весьма удобное. Явно не сколоченные из едва ошкуренных досок нары, накрытые шинелью, на коих он вчера и отошел ко сну. Да и не лежит он, собственно, а, как ни странно, сидит, точнее – полулежит. Или полусидит, как там правильно подобное положение называть-то? Странно...

Собравшись с духом, Василий приоткрыл один глаз. Затем второй. Торопливо осмотрелся, с трудом ворочая гудящей башкой, словно ошибочно прикрученной к чужому и непослушному туловищу. И немедленно снова зажмурился, поскольку увиденное осознанию явно не поддавалось. Не было ни вчерашней землянки с нависшими над головой классическими «тремя накатами» (на самом деле саперы определенно схалтурили, накатов имелось всего два, да и толщиной бревна подкачали), ни нар, ни густого, хоть ножом режь, портяночно-табачного

духа, обильно сдобренного дымом бензиновой коптилки и печки-буржуйки, изготовленной рембатовскими умельцами из бочки от американского машинного масла.

Несколько раз торопливо вздохнув-выдохнув, мамлей распахнул оба глаза «на ширину плеч» и снова огляделся. Он находился в просторной и очень светлой комнате, напомнившей ему госпитальную палату, разве что стены оказались не выкрашенными светло-серой масляной краской, а оклеенными веселенькими голубоватыми обоями с каким-то мелким рисунком. Под потолком – электролюстра на три лампы, перед ним – стол с чем-то непонятным на поверхности. Нечто не слишком большое, плоское, матово-черное, вроде грифельной доски в серебристой окантовке. Размерами, эдак, полметра на сорок сантиметров. Мела, правда, нигде не наблюдалось – чем же на ней писать-то?! Еще на столешнице обнаружилось странное устройство, отдаленно смахивающее на клавиатуру пишущей машинки «Ундервуд», виденной им в штабе, разве что не ступенчатую, а плоскую, и клавиш побольше. Да и значки на них отчего-то на двух языках, русском – и то ли немецком, то ли каком-то ином. Справа от «сплюсненной пишмашинки» – еще более непонятная штукавина, овальная, с двумя кнопками и ребристым выступом между ними. Снова поерзав, Краснов сделал еще одно открытие. На его кистях оказались непонятного вида устройства, напоминавшие ажурные «сетчатые» перчатки: ни от холода защитить, ни от жара. А на голове – эластичный обруч с какими-то дурацкими кругляшами на висках, лбу и затылке, живо напомнившие ему читанные в школе научно-фантастические романы советского писателя Александра Беляева. Это что еще такое, интересно?! Не от этих ли штуквин то самое неприятное ощущение, словно после контузии? Вполне возможно, между прочим, поскольку враг, как товарищ политрук говорил, не дремлет!..

Василий торопливо содрал с головы странный обруч, а с рук – «перчатки», бросив непонятные предметы на стол. И внезапно замер, разглядывая свои собственные руки – ухоженные, белые, без въевшейся за годы войны в кожу и под ногти грязи, машинного масла и пороховой гари. Руки были определенно *не его*. Как и все тело, одетое в какие-то странного вида спортивные трусы, черные с белыми полосками и надписью по-немецки «айдидайс». Из прочей одежды имелась лишь майка, тоже черная, вылинявшая от частых стирок – уж в этом-то Краснов разбирался – и на сей раз без подозрительных надписей. Ноги, обутые в шлепанцы из непонятного упругого материала темно-синего цвета, тоже оказались вовсе не его: ни портянок, ни разношенных кирзачей, полгода тому выменянных у хитрого каптерщика на банку ленд-лизовой тушенки. Да и пальцы на ногах, кстати, слишком уж чистые да ухоженные.

Осененный внезапной мыслью, Василий зашевелился в удобном кресле. Если все в этом теле не его, то определенно стоит взглянуть и на лицо! Уж свою-то физиономию он всяко узнает! После недолгих поисков, в ходе которых выяснилось, что находится он в отдельной квартире на две комнаты с кухней, зеркало обнаружилось в уборной, не слишком просторном помещении. Обставленном тем не менее с поражающей воображение жителя коммуналки, где он жил с родителями до войны, роскошью. В наличии имелась эмалированная ванна со сверкающим хромом душем, белоснежная керамическая раковина и унитаз с непривычного вида сливным бачком. И ванна и унитаз выглядели вполне обыкновенно, разве что казались какими-то излишне новыми и чистенькими, без единого скола или желтого подтека, а вот раковина откровенно удивляла и приличными размерами, и материалом. Кем бы ни был владелец квартиры, особой бедностью он явно не страдал.

Не обращая внимания на множество каких-то флаконов, бутылочек и тюбиков на полочке под зеркалом, Василий уставился на собственное отражение. И едва не грохнулся в обморок, будто надышавшись пороховых газов в наглухо задренной башне родной «тридцатьчетверки». Отражение тоже ему не принадлежало – покрытое слоем амальгамы стекло показывало абсолютно чужого, незнакомого человека! Вместо привычной чумазой и вихрастой физиономии двадцатилетнего младшего лейтенанта из неведомых глубин зазеркалья на него глядел сорокалетний мужик с характерным шрамом на виске. Коротко остриженные волосы были обильно

тронуты сединой – с первого взгляда и не скажешь, чего больше, природного серебра или доставшейся от предков черноты. И – глаза...

Васька Краснов, начавший войну сержантом в сентябре сорок первого возле начисто уничтоженной войной деревеньки Видово, тоже немало повидал на своем невеликом, в общем-то, веку. Но глаза, ныне глядящие на него из зеркала, пожалуй, повидали куда больше. И, сморгнув, мамлей отвел взгляд. Отвел – и ощутил страх. Накатило, что называется. *Кто он – и где он?!* Как он сюда попал, в эту квартиру и в это тело?! Почему он осознает себя именно как младший лейтенант Краснов, одновременно прекрасно понимая, что это тело – вовсе не его собственное?! Что произошло... или все еще происходит?!

Умывшись и вдоволь напившись холодной воды из-под крана (вкус оказался так себе, вода отчего-то ощутимо пахла больницей), Василий на нетвердых ногах вернулся в «кабинет», как он назвал комнату, где десятью минутами назад пришел в себя. Тяжело опустился в удобное кресло, просевшее под его весом, скользнув пустым взглядом по поверхности стола. И внезапно наткнулся на более-менее привычную пониманию вещь – небольшой перекидной календарь на треугольном картонном основании. Заинтересовавшись, Василий наклонился вперед, всматриваясь. Итак, сейчас июнь, правда, непонятно, какое именно число и день недели. А где же год? Год почему-то не указан, только какое-то странное четырехзначное число в правом верхнем углу листка – две тысячи пятнадцать. Протянув руку, парень взял со столешницы календарь и перелистал страницы. Обычные месяцы, выходные дни и некоторые даты среди недели выделены красным, как, например, первое и второе мая. Ну, Первомай, понятно. А вот отчего и девятый день последнего весеннего месяца тоже красный – уже непонятно. И везде все то же самое число в углу. Ну, не год же это, в самом-то деле? 2015 – даже не смешно. Если б это оказался год, человечество давно уж жило при коммунизме и все наверняка оказалось как-то совсем... не так. Впрочем, как именно «не так» и чем ему, собственно, не подходит нынешнее «так», он представить себе не смог, поскольку пока даже не знал, где находится. Просто «не так» – и все тут...

Автоматически Краснов перебрал последний укрепленный проволочкой-пружинкой лист – и широко распахнул от удивления глаза. На картонной обложке, глянцевой и скользкой на ощупь, словно покрытой лаком или какой-то пленкой, было написано: «Настольный календарь за 2015 год». Ниже – отменного качества цветная фотография, знакомый любому советскому человеку московский Кремль, снятый со стороны набережной. На первом плане – величественная Водовзводная башня с рубиновой звездой, за стеной видна крыша здания Верховного Совета с обвисшим на флагштоке стягом и золотые маковки церквей. Вдоль реки идет широченная автострада, по которой несутся авто невиданных форм и расцветок, обтекаемые, похожие на ожившие стальные капли на колесах.

Медленно опустив руку с календарем, Василий сглотнул внезапно загустевшую слюну. Отчего-то он сразу поверил и надписи, и фотографии. Равно как и понял, что означали цифры в углу. Все-таки год...

Поднявшись на ноги, он медленно, словно скорость сейчас имела хоть какое-то значение, подошел к окну, не нормальному деревянному окну с форточкой, а изготовленному из какого-то гладкого белого материала. Повозившись несколько секунд с непривычного вида ручкой, Краснов распахнул створку. В лицо пахнуло жарким летним воздухом и бензиновой гарью – фасад выходил на оживленную улицу. Несколько минут Василий наблюдал за снующими по асфальту автомашинами, похожими на виденные на фото, – особенно его поразили троллейбусы, огромные, угловато-квадратные, сияющие здоровенными окнами и разукрашенные рекламными надписями, – затем медленно закрыл створку, разом обрубив поток идущих снаружи звуков и запахов.

Что ж, все верно, он в нереально-далеком будущем, за семьдесят с лишним лет от своего времени... и войны. В чужом теле, чужой квартире и чужом мире.

Обратно в кресло Василий садиться не стал, в смятенных чувствах отправившись бродить по квартире и поминутно делая какие-то открытия. Например, на кухне, кроме пусть непривычной с виду, но вполне узнаваемой газовой плиты на четыре конфорки, обнаружилась странная штукавина на вделанной в стену полочке, с открывающейся застекленной дверцей, назначения которой Краснов, разумеется, не понял. Хотя, судя по тарелке внутри, штукавина определенно предназначалась для приготовления еды. А вот назначение стоящего на полу возле окна квадратного агрегата из металла и того же, что и окно, гладкого материала, с забранной толстенным гнутым стеклом дверцей-иллюминатором наподобие корабельного, осталось вовсе непонятным. В углу помещения располагался еще один прибор, высоченный, из серебристого металла, подключенный к электросети толстым черным шнуром, в котором мамлей без особого труда опознал холодильный шкаф. Открыв негромко чмокнувшую дверцу, одну из двух, убедился, что не ошибся. Правда, еды внутри почти не оказалось, пара банок рыбных консервов, овощи, десяток яиц, крохотный кусочек сыра, початая бутылка водки да какие-то непонятные баночки-тюбики-пакетики на полочке в дверце – ну, чисто, как в уборной, где он недавно побывал! Кстати, насчет сортира – неприятные ощущения ниже пояса спортивных штанов определенно намекали на срочную необходимость посещения этого помещения. Что Василий и сделал, на сей раз открыв для себя еще одну поразительную особенность: из второго крана – в прошлый раз он крутил правый, а сейчас – левый, с красным ободком – шла горячая вода, практически кипятком, хоть чай заваривай! Ну, насчет чая он, пожалуй, приврал для красного словца, но вода и вправду была горячей, аж рукам больно. Слово из закипевшего автомобильного радиатора.

Опытным путем выяснив, что при помощи обеих рукояток можно регулировать температуру воды, он еще раз умылся и вытерся хозяйским – или теперь его собственным? – полотенцем. Рассмотрел повнимательнее баночки и бутылочки, надписи на большинстве из которых оказались сделаны не по-русски, а все на том же похожем на немецкий языке. Интересно, у них тут, в будущем, что, сразу два языка в ходу? И, кстати, где он вообще находится, в каком городе? Со страной-то понятно, Советский Союз, разумеется, недаром же на столе календарь с видами столицы. Вот только как выяснить город, не выходя из квартиры и не привлекая к себе лишнего внимания?

А вообще, квартира богатая, спору нет – интересно, чем же это ее хозяин на жизнь зарабатывает? Ученый какой-нибудь или артист? Ученый, наверное, недаром же у него тот загадочный обруч на башке имелся и перчатки эти чудные – видать, эксперимент какой проводил. С другой стороны, столько лет прошло, наверняка уж давным-давно социализм построили, а то и вовсе коммунизм – может, в этом и причина? Бедных и малоимущих нет, вот и вся загадка. Это для него квартира шикарной кажется, а у них тут подобное в порядке вещей. Да и какой смысл сравнивать с родной коммуналкой? Семь с лишком десятилетий – огромный срок и для людей, и для страны. Вон он поначалу даже банальный выключатель не мог отыскать – в его-то времени проводка прямо по стенам шла, и поворотные выключатели выглядели абсолютно иначе. А тут какие-то утопленные в стену квадратные пластинки, негромко шелкающие при нажатии. Ну, а нерусские надписи? Тоже вполне объяснимо: немца разгромили, Европу от коричневой чумы спасли – а там наверняка и до Мировой революции дело дошло. И произведены все эти склянки-банки-шампуни в какой-нибудь там Советской Социалистической Республике Британии, например. Эсэсэrbэ, ага. Логично? Вполне. Короче говоря, нужно обыскать квартиру и, как минимум, найти документы – уж паспорта-то, даже не глядя на построенный коммунизм, никак отменить не могли. Разве ж без паспорта можно нормально жить и людьми управлять?..

Слегка успокоенный подобными размышлениями, Краснов завернул на кухню и, приняв «для нервов» фронтные сто грамм холодной водки (стаканы обнаружились в одном из подвесных ящиков, укрепленных на выложенной голубым кафелем стене), отправился на оче-

редной, на сей раз детальный, осмотр квартиры. Начать решил с дальней комнаты, видимо, спальни, если судить по широкой кровати, застеленной скомканным бельем – да уж, никакой дисциплины, не то, что у них в училище, где за лишнюю складку на койке доставучий сержант Туробов мог впать наряд вне очереди, что с превеликим наслаждением постоянно и делал.

Помимо спального места, в комнатке имелся еще здоровенный, во всю стену платяной шкаф с диковинными сдвижными дверями из цельного зеркального стекла и напольная двухъярусная тумба со стоящим сверху плоским прямоугольным устройством вроде той самой «грифельной доски» из кабинета. На второй полке располагалась серебристая коробочка размерами с лист писчей бумаги и толщиной в пачку папирос, соединенная с «доской» разноцветными проводами. Никакой «сплющенной пишмашинки» рядом не было, лишь маленькая черная коробочка с множеством кнопочек, о назначении которой Василий даже и задумываться не стал – все равно не поймет. Мало ли чего выдающиеся советские инженеры за семьдесят лет понапридумывали? Куда уж ему, простому танкисту с семилеткой да военным училищем за плечами, догадаться! Он и со шкафом-то намучился, пока не допетрил, что это не просто зеркала, а именно двери, катающиеся на невидимых колесиках по металлическим рельсам на полу. Особенно копать в шкафу не стал, убедился только, что там исключительно одежда да прочие тряпки – белье постельное, полотенца и прочее. Причем все мужское, хозяин квартиры женат явно не был. Потому, видимо, и холодильник пустой, как ящики с боеукладкой после боя.

Больше в спальне ничего интересного не обнаружилось, разве что выход на небольшой застекленный балкон за наполовину задернутой кремовой шторой. Повозившись с дверью – ручка оказалась точь-в-точь такой же, что и в окне, – Краснов вышел на балкон. Шкафчик, пара каких-то картонных ящиков на полу, небольшой откидной столик и плетеное летнее кресло. На столике – пепельница, наполовину наполненная сигаретными окурками с желтым фильтром, и еще одна привычная вещь, мало изменившаяся со временем, – спичечный коробок. Правда, картонный, а не из оклеенного бумагой тонкого шпона. Василий зачем-то потряс коробочку, убедившись, что спички внутри имеются, и автоматически запихнул в карман.

Осмотр кабинета занял куда больше времени. Во-первых, в столе с прямоугольной «грифельной доской» на поверхности имелось аж четыре выдвижных ящика. А во-вторых, всю заднюю стену занимали стеллажи с книгами в невиданных ярких обложках, которые, по мнению мамлея, тоже могли помочь определиться, где именно он находится и что происходит в стране и мире. Поразмыслив пару секунд, Краснов решил оставить ящики на потом, занявшись в первую очередь библиотекой. Увы, с книгами почти ничего не вышло: большая часть, судя по названиям серий на обложках – «военно-историческая фантастика» или «фантастический боевик», – являлась беллетристикой, которую Василий с превеликим удовольствием почитал бы на досуге – но не в этой ситуации. Часть посвящалась какой-то «Афганской войне 1979–1989 годов». Бегло проглядев парочку и углядев на фотографиях незнакомую военную технику и обмундирование бойцов, Краснов отложил их «на потом». Вот, значит, как – войны все-таки продолжаются? Точнее, продолжались, ведь с тех пор прошло уже больше четверти века. Интересно, с кем СССР тогда воевал? С какими-то очередными наймитами мирового империализма и прочего капитала, надо полагать? Остальные книги он и рассматривать не стал из экономии времени, поскольку уже окончательно понял, что ни названия, ни выходные данные издательств и года выпуска ничем ему не помогут.

Уже собираясь отойти от книжных полок, мамлей внезапно наткнулся взглядом на корешок, озаглавленный «Великая Отечественная. 1941–1945». Книга оказалась толстым черно-белым фотоальбомом большого формата, изданным в Москве еще в восемьдесят четвертом году. На передней и задней обложках – фотография атакующих при поддержке пехоты родных «тридцатьчетверок» с шестигранными башнями-«гайками», тактические номера «01» и «02». Против воли прижав книгу к груди, Василий тяжело опустился на небольшой диванчик. Вот, значит, как – война аж в сорок пятом закончилась!

Не в силах сдерживаться, он торопливо распахнул альбом, бегло пролистал первую часть, посвященную боям сорок первого и сорок второго годов, затем стал смотреть подробнее. И – уже не оторвался, пока не дошел до последних страниц, запечатлевших невиданные прежде могучие тяжелые танки имени товарища Сталина и крупнокалиберные самоходные артустановки на фоне разрушенных немецких городов и, наконец, самого логова проклятого Гитлера, Берлина. Особенно его поразила фотография длиннющей колонны советских танков, замерших на немецкой улице. Ходовая была знакома до последнего трака – «три-четыре», что ж еще! – а вот просторные башни с мощной длинноствольной пушкой – нет. Торопливо нашел в описании снимка название – «Т-34-85». Ага, «восемьдесят пять» – это, нужно полагать, калибр орудия. Ничего себе! Да с такой никакой «Тигр» наверняка не страшен, даже в лоб! «Хотя в лоб вряд ли, – профессионально отметил мамлей самым краешком сознания. – У него там броня в сотню мэмэ, если и будет пробитие, то с дистанции метров в пятьсот, не больше. Ну, а он с такого расстояния «тридцатьчетверочку» насквозь прошивает, от лобовухи до двигуна...» А уж сколько было радующих глаз фотографий разбитой в хлам немецкой бронетехники, и оставшейся на полях сражений, и свезенной на заводы для переплавки!..

Вот только фотографий товарища Сталина он отчего-то ни одной не нашел, разве что в числе прочих, стоящих на трибуне Мавзолея – сначала в сорок первом году, затем – в сорок пятом, в июне, уже на Параде Победы. Странно...

Отложив фотоальбом, Краснов зачем-то погладил шероховатую матовую обложку с атакующими «тридцатьчетверками» и медленно побрел на кухню. Отчаянно хотелось курить, а там он вроде бы видел папиросы. Вернее, сигареты – Василий с вялым интересом повертел в руках непривычного вида пачку с откидывающимся верхом, наполовину наполненную сигаретами с уже знакомым желтым мундштуком. Там же, на кухонном столе, обнаружили пепельница и зажигалка.

В голове царил полный сумбур, и потому мамлей даже не удивился прозрачной, словно изготовленной из желтоватого стекла или целлулоида вещице с терочным колесиком сверху. Между стенками бултыхалась какая-то жидкость, видимо, бензин. А может, и нет: прикурив, Василий не почувствовал знакомого запаха. Наверное, еще с час назад он бы удивился, исследовав зажигалку поподробнее, но сейчас – нет. Внутри него в несуществующей, если верить товарищу политруку, душе словно сработал – или, скорее, перегорел – некий предохранитель. Сил удивляться больше не осталось... сил больше вообще ни на что не осталось. Будь младший лейтенант Васька Краснов человеком двадцать первого века и почитывай он современную фантастику, на ум пришел бы термин «футурошок». Но он родился в двадцатых годах ушедшего столетия, из фантастики читал лишь повести Беляева да один роман француза Жюль Верна, и тот без начала и концовки, и подобных мудреных словечек, выдуманных писателями-фантастами спустя шесть десятилетий после его рождения, разумеется, не знал. Зато хорошо знал, что такое отходняк после тяжелого, с мизерными шансами на спасение и победу, боя. И сейчас он испытывал именно этот самый отходняк, пожалуй, самый жесткий в его недолгой жизни...

Глухо застонав, парень бросил едва прикуренную сигарету в пепельницу и поднялся на ноги, отпихнув перевернувшийся от толчка табурет. Бутылка водки оказалась там же, где и полагалось, в холодильном шкафу.

В себя он пришел лишь спустя добрый час, сидя за столом перед пустой бутылкой и забитой свежими окурками пепельницей. Висящий под потолком сизый табачный дым лениво тянулся в сторону приоткрытого окна, за которым уже разливались синевой короткие летние сумерки. В голове было пусто и тихо, выпитый алкоголь помог справиться с первым шоком и исчез без следа – что пил, что не пил. Ни радости, ни похмелья. Зато горло отчаянно саднило от непривычного табака, пусть и куда более мягкого, нежели махорка или трофейные немецкие папиросы...

Глава 4

Дмитрий Захаров, 1943 год

– Командир, вставай, ишь разоспался! Всю войну проспидишь, глядишь, и немца без тебя добьем, – голос, жизнерадостный бас мехвода, доносился, словно сквозь слой ваты, плотно забившей уши. Или сквозь наглухо застегнутый танковый шлемофон.

Не раскрывая глаз, Дмитрий перевернулся на спину, ощущая под лопатками неподатливую твердость грубо сколоченных нар. Память виртуального героя услужливо напомнила ему вчерашние события: долгий день, заполненный утомительной канителью сдачи уцелевшей боевой техники и имущества, и вечерняя посиделка за «котелком спирта» с рембатовцами. А сам он, стало быть, теперь зовется Василием Красновым, младшим лейтенантом. Ого, аж с сентября сорок первого воюет – неслабо для танкиста! Весьма, знаете ли, неслабо! Сменил несколько машин и экипажей, дослужился с сержанта до мамлея, имеет ранение и две награды – медаль «За боевые заслуги» и «отважную», разумеется. Боевой парень, что и говорить. Наверняка один из немногих, кто остался в живых из осеннего выпуска танкового училища – как там по статистике? При грамотной противотанковой обороне или лучшей выучке вражеских танкистов танк живет в бою примерно пять минут, так вроде? А экипаж? Примерно столько же, как правило. У кого-то шансов выбраться из подбитой машины больше, у кого-то меньше. Впрочем, согласно все той же безжалостной статистике, редко, когда погибал весь экипаж сразу – разве что при детонации боекомплекта или взрыве полупустых баков, наполненных парами горючего. Иногда больше везло механику-водителю или стрелку-радисту, сидящим внизу, иногда командиру и башнеру – смотря какой танк, куда ударила вражеская болванка, сколько осталось снарядов в боеукладке и солярки или бензина в баках...

– Давай, командир, поднимайся, труба зовет. Бикицер. Еда вон на столе, порубай, – продолжал меж тем балагурить механик-водитель – как там бишь его? А, ну да, Николай. – И чай пей, пока совсем не простыл. Не забыл, сегодня технику получаем? Комбат велел, чтоб не позже десяти – на построении. Паровоз, вроде, еще с ночи на станции, так что давай, не тормози... – механик тяжело затопал прочь, бухая разношенными кирзачами по земляным ступенькам.

Окончательно проснувшись – или, скорее, придя в себя, поскольку спал-то, как ни крути, не он, а мамлей Краснов, чье тело он теперь занимал, – Захаров сел на нарах, спустив ноги на утрамбованный пол. Поежился – несмотря на топившуюся полночи буржуйку, в землянке было достаточно промозгло – и огляделся. Кроме него, в тесном помещении никого больше не оказалось: родной экипаж дал командиру поспать подольше, заодно снабдив завтраком – на сколоченном из досок от снарядных ящиков столе стоял закопченный котелок и алюминиевая кружка, накрытая ломтем серого хлеба. Разыскав подвешенные над печкой портянки, за ночь успевшие просохнуть и задубеть (банно-прачечный день пока только обещали, а последняя запасная пара, как подсказала память Краснова, была заныкана глубоко в вещмешке «на самый крайний случай»), Дмитрий обулся и присел на кривоватый чурбак, заменявший в землянке табурет. Потопал, убеждаясь, что портянки намотал как надо.

Необычное, кстати, начало игры! В прошлые разы все начиналось как-то более... ну, динамично, что ли? Не то чтобы сразу в бой, но и без подобных прелюдий с легким утренним похмельем и принесенным заботливым экипажем завтраком. Впрочем, разработчикам виднее – когда он входил в «Схватку» под левым аккаунтом, на подробности предстоящего задания

особенного внимания не обратил, если уж честно. Да и выпитый перед тем алкоголь тогда еще окончательно не выветрился.

Вяло поковыряв ложкой почти остывшую гречневую кашу с тушенкой, Дмитрий отодвинул котелок. А вот хлеб съел с удовольствием, запивая его не особенно крепким и сладким чаем, уже успевшим подернуться темной пленочкой. Хлеб оказался хорош, сразу видно, недавно пекли – видать, хваткие ребята-ремонтники располагались где-то неподалеку отлевой кухни. Отчаянно хотелось хотя бы чуточку поправиться, но память Краснова подсказывала, что все носимые запасы спирта доблестные танкисты уничтожили еще вчера, да и «батя» мог, учуяв свежий выхлоп, не на шутку осерчать. Зато курево нашлось – мятая-перемятая (вчера, ложась спать, позабыл выложить из кармана) одноцветная сероватая пачка «IMPERIUM». Ниже красовалась надпись помельче: «Dresden», под которой раскинула крылья нацистская «курица» со свастикой в когтистых лапах. Для совсем уж непонятливых почти в самом низу имелось еще одно пояснение – «Zigaretten». Ну, в принципе, да, определенная логика присутствует: как еще назвать сигареты Тысячелетнего рейха? Ясно, что «империум», как же еще?

Внутри нашлось три сигареты, парочку из которых еще вполне можно было использовать по назначению. Закурив – привычный для виртуала, но непривычный для него самого табак отчаянно драл горло, – Захаров перепоясался португеей с кобурой, на всякий случай проверив ее содержимое. Нет, с этой стороны все в порядке – и штатный ТТ на месте, и две полнехонькие обоймы, одна в рукояти, вторая в кармашке. Прихватив с вбитого в стену гвоздя шлемофон, вышел наружу, попыхивая зажатой в губах откровенно дрянной сигаретой.

Снаружи обнаружилось серенькое, с затянутым облаками небом, весеннее утро.

И родной экипаж, рассеявшийся на бревнах вокруг разложенного костерка. Мехвод жизнерадостно пробасил:

– О, вот и командир до нас снизойти соизволил. Точнее, подняться. И как оно спалось? Кошмары после вчерашнего не мучили, а, товарищ лейтенант? А то у меня таки есть, чем нервы подлечить...

– Кончай, Коля, ладно? – Захаров опустил на свободное бревнышко. – Что там комбат?

– А я знаю? Говорят, до станции убыл, где и нас ждут не дождутся. Почапали, что ли, командир? А то все танки расхватают, придется в пехоту переходить, а у меня мозоль. Тут, вроде, недалеко, вон там, за рощицей.

– Пошли, – пожал плечами Захаров, не видя особого смысла и дальше сидеть. Бросил в догорающий костер окурков – ну и дрянь же в прошлом курили, что наши, что фрицы! – и первым поднялся на ноги.

Растущая на невысоком холме роща оказалась не слишком густой и порядком попорченной размещившимися под сводами деревьев тыловыми службами, без особых сомнений рубившими подлесок и деревья на дрова и маскировку. Пока шли, Захаров заметил и санбат, и кашеваров с хлебопеками – вот откуда хлебушек-то! – и еще кого-то, чье хозяйство оказалось укрытым маскировочными сетями – уж не штаб ли какой? Похоже, командование решило по максимуму использовать естественное укрытие, пусть даже деревья еще не успели обзавестись обширными кронами. Ага, вон и зенитчики на опушке обосновались: Дмитрий рассмотрел среди деревьев замаскированные тридцатисемимиллиметровые автоматы 61-К, задравшие в зенит увенчанные коническими раструбами пламегасителей хоботки стволов.

А затем рошица закончилась. Станция, как выяснилось, находилась несколько ниже, у подножия холма. Дмитрий, разумеется, не мог назвать себя знатоком железнодорожных станций начала сороковых, однако эта показалась ему достаточно большой. Несколько веток, построенный явно еще до эпохи исторического материализма каменный вокзал и множество станционных строений и крытых толем и шифером пакгаузов. В общем, как минимум ЖД узел районного значения, а то и больше. Немцы, судя по всему, были примерно того же мнения,

поэтому следы бомбежек обнаруживались практически везде – вокзал давно лишился крыши, стены над выбитыми ударной волной окнами закопчены, от многих пакгаузов остались лишь стены. И множество воронок от бомб, как свежих, с отвалами вывороченной глины, еще не размытой дождями, так и старых, уже порядком заплывших и поросших травой. Часть авианалетов оказались успешными для люфтваффе, подтверждением чему были сброшенные с путей искореженные остовы платформ и сгоревших вагонов и даже опрокинутый набок паровоз с разорванным котлом и смятой взрывом будкой.

Прикрывали станцию две зенитные батареи, на сей раз куда более серьезного калибра, не то семидесятишестимиллиметровые, не то и поболее – в зенитных орудиях Дмитрий силен не был, как, впрочем, и в прочей артиллерии. Помнил лишь, что наиболее мощной отечественной зениткой являлось орудие калибром в восемьдесят пять миллиметров. Seriously... наверное. Видимо, да, серьезно – судя по плотности воронок, немецким асам зенитчики определенно стояли поперек горла, и бомбили их не менее ожесточенно, нежели стоящие на путях эшелоны. Вон те искореженные обломки в десятке метров от капониров – наверняка попавшие под авиудар орудия, признанные неремонтопригодными и там же и брошенные.

Но самым интересным был, разумеется, не общий вид побитой асами Геринга, но вполне живой станции, а стоящие на путях эшелоны. Точнее, ближний, тот, что замер у разгрузочной рампы. Паровоз уже отогнали куда-то на запасные пути под бункеровку, а у платформ со стоящими на них танками – башни развернуты и зачехлены; впрочем, не у всех – видать, часть дефицитного на фронте брезента уже растворилась в неизвестном направлении – хлопотали железнодорожники и танкисты бригады. Захаров присмотрелся, с искренним интересом разглядывая прибывшие танки: ведь ему скоро предстоит играть на одной из этих машин. Ну в смысле воевать, конечно же, воевать! Ведь разработчики «Танковой схватки» сделали все возможное, чтобы игрок ни секунды не сомневался, что он на самом деле именно *воюет*, а не режется в очередной навороченный симулятор с другими неведомыми ему сетевыми геймерами. А вот насчет прибывших танков – неплохо, кстати! Уже знакомые по прошлым играм «тридцатьчетверки» с башней-«гайкой», но с улучшенной ходовой. В смысле не с лишенными бандажей «сталинградскими» катками с внутренней амортизацией, грохочущими на всю ивановскую, а с нормальными обрешиненными. Уралмашевские танки скорее всего. Командирских башенок пока еще, увы, нет, зато есть надежда, что и трансмиссия улучшенного типа, то бишь более-менее доведенная до ума. Пушка, правда, все та же, родная «эф тридцать четыре», но если с «Тиграми» или «Пантерами» не столкнутся, то тоже вполне нормально. Для «тройки» или «четверки» на дистанции меньше километра прокатит, а дальше и не нужно – прицел не тот, так что особо и выпендриваться не стоит... Короче, нормальный танк, основная, между прочим, серийная модификация. В смысле, если прикинуть, сколько заводы успели выпустить до сорок второго и сколько – после появления «восемьдесят пятого». Вот и выходит, что «гаек» наклепали больше всего, и именно эта модель вынесла основную тяжесть Великой войны. Тяжелых танков оказалось всего пять штук, легких, как ни странно, не было вовсе. Интересно, бригада, получается, в подавляющем большинстве будет укомплектована «тридцатьчетверками»? Ну, за исключением этих самых пяти КБ и тех машин, что ремонтники успеют вернуть в строй до начала боев. А не столь и многочисленные уцелевшие легкие, в основном Т-60 и «семидесятки», выходит, станут выполнять исключительно разведывательные функции? Впрочем, ему-то какая разница? Наоборот, радоваться нужно: «Ворошиловы» на данном этапе войны себя уже почти что изжили, а ИСов пока что не присылают, хотя производство первой модификации с восьмидесятипятимиллиметровой пушкой вроде бы должно уже быть налажено. А от легких в реальном встречном бою или атаке на батарею ПТО и вовсе никакой пользы, только людей гробить.

– О чем задумался, командир? – ну, разумеется, снова мехвод. Между прочим, подозрительно грамотно говорит, интересно, что он о нем знает? Захаров напряг память – не свою,

разумеется, виртуала. Ах, вот оно что! Балакин Николай, сорок три года. Ого, по фронтовым меркам чуть ли не старик. Бывший цеховой инженер Одесского завода имени «Январского восстания», знаменитой «Январки». Ничего себе, так они земляки... упс, ну, то есть это он, Дмитрий Захаров, с ним земляк, но уж никак не мамлей Краснов – не проговориться бы. С какой стати парню из небольшого городка Рязанской области оказаться земляком одессита Балакина?! Ладно, что там еще? Как Николай оказался в кресле механика-водителя? Тоже понятно, во времена славы обороны родного города он клепал из котловой стали знаменитые одесские эрзац-танки НИ – «на испуг». Затем, когда закончились и сталь, и трактора, просился в действующую армию, но не пустили, благо заводам Одессы еще было чем заняться. Ремонтом бронетехники, например. Кроме того, в осажденном городе производились самодельные минометы, мины, гранаты и много чего еще. В середине октября сорок первого эвакуировался вместе с частями Приморской армии в Крым. На передовую снова не попал, поскольку до войны получил профессию тракториста – еще до начала заводской карьеры. Снова эвакуация, ускоренные курсы механиков-водителей и первый танк. И первый командир, он, Васька Краснов, то бишь Дмитрий Захаров. Вот такая хитрая судьба – наверняка мог устроиться и в тылу, инженер все ж таки, но попросился на фронт. С третьего раза и попал. Хм, а ведь они с Красновым, похоже, еще и друзья – который бой в одном экипаже, немудрено...

Кстати, а что ему известно об остальных танкистах, башнере и стрелке-радисте? Ребята новые, толком и не обстрелянные, всего парочка совместных боев, после чего их покалеченную машину вывели в тыл. Первого зовут Иван Гуревич, белорус откуда-то из-под Гомеля, немногословный исполнительный парень девятнадцати лет от роду. Не слишком бойкий, однако ж унитары в ствол пихает вполне расторопно, да и отличия осколочной гранаты от бронебойного освоил вполне. Стрелок-радист. Сибиряк, двадцать лет, звать Сашей Сидорцевым, недоучившийся студент политехнического. Ну, понятно, потому и радист. Ни с первым, ни со вторым особо близких отношений у младшего лейтенанта пока не сложилось, слишком мало времени провели в одном экипаже, не притерлись еще друг к другу. Ладненько, с этим позже разберемся. Хватит ковыряться в чужой памяти, ведь механик-то ждет ответа на свой вопрос.

– Да так, Коля, – пожал плечами Захаров. – Ни о чем, в общем-то. Вон, на танки наши новые гляжу, хорошие вроде машинки, а? Долбанем фашистскую гадину и в хвост, и в гриву? Засадим, так сказать, по самые волосатые помидоры?

«Блин, – тут же одернул себя Дмитрий. – Поосторожнее с подобными штампами нужно! Иди, знай, принято ли у них тут выражаться подобным образом... Хотя, стоп, что это я? Это же просто игра, какая разница, как выражаться?»

– Долбанем, конечно, командир, не вопрос... – показалось или нет, но механик-водитель мазнул по его лицу коротким цепким взглядом. Вот уж точно «блин»! Глупая ситуация, ведь игра – игрой, но вести себя все равно нужно так, словно ты и на самом деле человек той эпохи! Пожалуй, придется следить, о чем, с кем и в каких выражениях говоришь...

– Ладно, пошли, вон «батя» что-то подозрительно озирается, как бы не нас искал...

Несмотря на столь обязательный атрибут разгрузки любого воинского эшелона, как полная неразбериха, обильно сдобренная матом и взаимными наездами (как сказали бы во времена Дмитрия) железнодорожников на армейцев, и наоборот, танки без проблем свели с платформ и выстроили на грунтовке. Второй эшелон, с боеприпасами, к этому времени уже разгрузили, и сейчас полуторки и трехтонные «Захары» торопливо покидали станцию, стремясь поскорее увезти прочь смертоносный груз.

Получив машины и покончив с недолгими формальностями, бригада лязгающей змеей, окутанной сизым дымом выхлопов, потянулась вслед за грузовиками. Успев переброситься парой фраз с командиром роты, Захаров уже знал, что разместят их в нескольких километрах от станции, где полностью укомплектуют боеприпасами, топливом и недостающими членами экипажей. Судя по мрачному виду комбата, о сколько-нибудь длительном отдыхе можно было

смело забыть: похоже, ситуация на фронте внезапно изменилась, и вряд ли в лучшую сторону. Немного успокаивало лишь отсутствие всяческих слухов, пусть даже на уровне солдатского радио: память младшего лейтенанта услужливо подсказала, что если бы их собирались отправить на передовую в ближайшие дни, хоть что-то уже стало бы известно. По крайней мере знающие, как водится, больше других писари и прочие «приштабленные», вроде командирских водителей, пока никаких тревожных сигналов не подавали даже намеками.

Добрались без проблем, хоть Дмитрий с непривычки порядочно наглогался солярочного дыма, поскольку ветра практически не было, а дистанцию между машинами механики-водители, мягко говоря, не соблюдали, и отбил о броню задницу – мотало и подкидывало танк просто немилосердно. Дорога, разьеженная за время распутицы до полного изумления, уже успела немного подсохнуть, представляя ныне и не дорогу вовсе, а самое настоящее «направление», причем противотанковое. Кое-где в глубоких колеях встречались впрессованные в глину измочаленные траками бревна, что тоже плавности хода не способствовало. Четверть века назад сержанту Захарову уже приходилось трястись на броне по каменистым афганским серпантинам, однако сейчас он вынужден был признать, что подвеска у БМП или бэтээра куда как мягче, нежели у «тридцатьчетверки», пусть даже и только что пришедшей с завода. Хм, кстати смешно: «четверть века назад»! Ведь, если судить с позиций этого времени, до *той* войны еще больше сорока пяти лет! Ну, в смысле, если считать – с чего бы, вдруг, собственно? – что все происходящее вокруг не просто написанное двоичным кодом игровое поле, а именно *прошлое*. Глупость, конечно, редкостная, но вот пришло ж отчего-то в голову...

Короче, добрались-то без проблем и даже без единой поломки, но вот место, где расположили танковую бригаду, Дмитрию чем-то активно не понравилось. Причем не понравилось вовсе не как мамлею Краснову, а именно как бывшему сержанту-десантнику Захарову. Нет, сосновый лес, под кронами которого командование решило укрыть танки, оказался неплох, будет где нарубить веток для маскировки, вон даже подлесок еще не тронут. Да и маскировочные сети обещали выдать, по штуке на танк, что уж и вовсе было чем-то из области научной фантастики. Но вот сама дорога...

Дмитрий снова оглянулся, придерживаясь за крышку застопоренного башенного люка. Да, точно, именно в дороге все дело! Уж больно она приметная. И та, разьеженная в хлам, что вела от станции, и узенькая грунтовка, по которой только что прошли все бригадные машины. А перед ними – грузовики с боеприпасами и заправщики. Немцы ж не дураки, а о том, как у них поставлена авиаразведка с прочей высотной фотосъемкой, он прекрасно помнил. Пару лет назад наткнулся в Сети на какой-то ресурс, где выкладывались старые аэрофотоснимки, сделанные немецкими самолетами-разведчиками. Наткнулся – и откровенно обалдел от качества оцифрованных фотографий и уровня детализации! Для смеха сравнил с современными «гугловскими» спутниковыми снимками тех же самых мест, масштабировав изображение до аналогичной высоты. И обалдел вторично. Поскольку особой разницы не нашел, разве что снимки люфтваффе были черно-белыми, а нынешние – цветными.

Вот и вырисовывалось крайне неприятное умозаключение: неужели немцы не разглядят свежую колею, накатанную десятками танков – земля-то еще не затвердела окончательно, так что хрен замаскируешь вывороченную целыми полосами свежую глину! А уж на то, чтобы сложить два и два и направить сюда бомбардировщики, много ума и времени не нужно. Наверняка ведь и прибытие на станцию нескольких эшелонов не прошло для немецкой разведки незамеченным. Нет, вон зенитчики развертываются, это-то понятно. Да и на «сталинских соколов» какая-никакая надежда имеется. Но если немцы всерьез возьмутся за этот лес – или хотя бы за его опушку, никто ведь не собирается загонять танки дальше – то может выйти весьма печально.

Захаров выругался под нос. Интересно, а сам комбат это понимает, не говоря уж за командира бригады? Видел он его, правда, мельком, но общее впечатление сложил. Вроде должен

понимать, умный мужик, и глаза такие... правильные, в общем, глаза. Встретишься взглядом – и сразу становится понятно, что многое на своем веку повидал. Очень многое, столько, сколько нормальному человеку видеть не положено. Когда его вместе с немногими уцелевшими пацанами в кабульский госпиталь «вертушкой» с той проклятой дороги доставили, дня через три в палату «бать» пришел. Ладонь жал, орден обещал, еще что-то соответствующее моменту говорил – он тогда и не вслушивался толком, радовался про себя, что хирурги руку не отняли да что в Союз скоро отправят... Короче говоря, глаза у «бати» такими же были. Холодными и всепонимающими...

Так, может, ему сейчас с комбатом поговорить? Да нет, глупость, тот какого-то комвзвода, хоть и успевшего неслабо повоевать, и слушать не станет. Хорошо, если еще в паникерстве не обвинит. Да и как с ним разговаривать, Дмитрий, честно говоря, представлял с трудом. Между сержантом Захаровым и его виртуальным героем Красновым – пропасть в добрых пятьдесят лет. Менталитет совсем иной, ежели по-умному выражаться. Да и в реалиях сорок третьего года он, мягко говоря, «плавает» – как и в касающейся прошлых военных лет памяти младшего лейтенанта. И вовсе не факт, что она память успеет вовремя прийти на помощь, если вдруг что...

Гм, это он что, снова думает, будто *верит* в происходящее?! Да, странная какая-то игра получается! И мысли эти... тоже странные. Так и в «попаданцев» из популярных несколько лет назад фантастических книжек недолго поверить, а это уж, знаете ли, совсем не гут! Вокруг шлема что-то зашуршало, по затылку упруго стукнуло, и Дмитрий поспешно спустился в башню, с непривычки ощутимо приложившись плечом о закраину люка. Сверху посыпалась содранная крышкой хвоя и мелкие ветки: танк задом вползал под крону разлапистой ели. Нет, все, кончать пора с этими размышлениями! Не хватало, чтобы всю морду иголками расцарапало, а то и вовсе глаз выкололо! Вот тогда уж точно разговора с особистом не миновать – ранение в небоевой обстановке, приведшее к частичной потере боеспособности, налицо. То бишь на лице. Чистое членовредительство и прочий саботаж...

В последний раз рыкнув дизелем, «тридцатьчетверка» замерла, едва заметно «присев» на корму и тут же выпрямившись. Отряхнув с комбинезона насыпавшийся сверху мусор, Дмитрий выбрался из башни, разведя руками густые хвойные лапы. Кстати, нужно сказать башнеру, чтобы обрубил аккуратненько, иначе придется каждый раз в танк, словно в шалаш, блин, заползать. Спрыгнув на землю, с удовольствием потянулся и вздохнул полной грудью – сквозь густой солярочный дух пробивался аромат свежей хвои и измочаленного траками подлеска. Из своего люка лихо выскочил, облапив руками пушку, мехвод:

– Ну, вот мы и дома, командир. Елка – что надо, прям новогодняя, на весь танк хватило, теперь никакой фриц сверху не разглядит, шоб у него и без этого зенки от запора повылазили! Доволен?

– А вон это он как, разглядит? – буркнул Захаров, доставая из кармана давешнюю пачку и вытряхивая из нее последнюю сигарету, из которой высыпалась добрая треть табака. И кивнул в сторону раскатанной танками грунтовки.

Балакин непонимающе проследил взглядом, несколько секунд помолчал, затем вытащил из кармана портсигар, лихо отщелкнув ногтем крышку:

– Командир, брось каку, а то больно кашлять станешь, да и курить там нечего. Держи, – благодарно кивнув, Дмитрий вытащил папиросу. Припомнив оставшуюся в прошлом (или будущем) армию и учебку, привычно смял гильзу, прикурив от протянутой бензиновой зажигалки. Затянулся, с трудом сдержав кашель – ну что ж за дерьмо предки курят, а? Нет, определенно нужно бросать. В своем времени не сумел – так, может, хоть в игре бросит... – А вообще, ты кругом прав, командир, мне уже даже страшно, – неожиданно серьезным тоном продолжил механ, тоже закурив. – Нас по этой тропочке вычислить – как два пальца. Нет,

зенитное прикрытие у нас имеется, все дела, пока ехали, сам видал, но... ты прав. Может, с ротным поговоришь?

– А чего не сразу с «батей»? – криво усмехнулся в ответ Дмитрий. – Угадай с трех раз, что они мне ответят? В лучшем случае «не лезь не в свое дело». Таковую колею разве спрячешь?

– Другой бы спорил, но не я. Тоже верно, но ты все одно сходи, лейтенант. Сходи. Тебе пока все равно делать нечего, а я танком займусь. Машинка-то вроде знатная, да чужая пока, незнакомая, так что поковыряюсь немного. Чтоб нам в первом же бою кисло не стало, и немец заранее не обрадовался.

– Ладно, – Захаров затоптал окурок. – Схожу. Заодно насчет провианта узнаю, обед скоро.

– Слышь, лейтенант, а ты чего такой? – неожиданно негромко спросил Балакин.

– Какой такой? – внутренне насторожился Захаров, припомнив взгляд механика по пути на станцию.

– Та я и не знаю... странный. Напряженный какой-то. Случилось чего? Нам когда почту раздавали, я видел, и до тебя письмо пришло. Дома какой-то гембель?

– Коля, да нормально все, нормально, ну!

– Извини, командир, я в душу не лезу, просто... нам воевать вместе.

– Вот и повоюем, – да что ж за игра такая, где в душу сапогами залезть норовят?!

– Тут это, – механик на миг отвел взгляд. – У меня после вчерашнего сабантуя спирта немного осталось, может, бахнешь грамм полста? Для нервов?

– Спасибо, но не нужно. К ротному пойду, – досадливо буркнул Захаров – выпить и вправду хотелось отчаянно. – Папиросой только поделись, коль не жалко.

Пока Дмитрий разыскивал командира роты, успел обдумать ситуацию. И даже родил небольшое рацпредложение: в принципе, если выгнать на открытое место пару машин и как следует погонять их в разных направлениях, перпендикулярных набитой колее, может, и будет толк. Пусть немцы голову поломают, за каким овощем вражеские танки катались то вдоль опушки, то к лесу. Однако ротный, капитан Ярошенко, выслушав взводного, лишь досадливо поморщился и, пробормотав «разберемся», отослал его обратно к экипажу. Заметив напоследок, что положение на фронте нестабильное и вообще крайне непонятное, так что есть шанс, что немцы и вовсе не заинтересуются свежими колеями в ближнем тылу русских.

А потом стало не до того: сначала посланный к расположившимся в полукилометре кашеварам башнер приволок наполненные гречневой кашей с тушенкой котелки и термос с чаем, затем начались приемка и погрузка горючего и боеприпаса, продлившиеся до темноты. Качать соляру ручным насосом оказалось тем еще удовольствием, тем паче, что уральские «три-четыре» уже комплектовались навесными баками, которые тоже полагалось наполнить под завязку. После перекура – подальше от танка, разумеется, – всем экипажем дружно оттирали снаряды от смазки, сортировали и перегружали в танк. Сначала заполнили штатную укладку, затем накидали поверх, сколько влезло – против инструкции, конечно, зато согласно приказу командования. Вышло почти полтора БК на борт – неплохо для боя, но весьма фатально в случае детонации. Впрочем, если трезво рассудить, ничуть не менее фатально, нежели взрыв в боевом отделении всего-то парочки последних нерасстрелянных унитаров, так что командование, в принципе, право. А риск, соответственно, оправдан... Перемазались, естественно, по самые брови и потом долго оттирали руки ветошью, обильно смоченной невесть где раздобытым Николаем керосином. Вонь стояла та еще, казалось, закуришь – и полыхнешь вместе со всем лесом. Оставалось надеяться, что принесенные механиком робкие слухи о завтрашнем банно-прачечном дне – и не слухи вовсе, а вполне такая объективная реальность...

Засыпая, Дмитрий поймал себя на очередной мысли, что игра и на самом деле выдалась какой-то очень уж нестандартной: прошло больше половины суток, а активных действий как не было, так и нет. Впрочем, до встроенного в игрулю максимального срока «погружения»

в двадцать четыре часа еще оставалось порядочно времени, часов девять. Может, этой ночью они и повоюют? Блин, но если так, нужно ведь предупредить... подготовиться... быть начеку, чтобы успеть...

Сон сморил бывшего десантника и бывшего же геймера с ником «ДИМ-34-76», а ныне полноценного командира танка с бортовым номером «208» на середине неоконченной мысли...

Глава 5

Василий Краснов, недалекое будущее

Проснулся Василий, по фронтовым меркам, непростительно поздно – в десять часов, если судить по показаниям диковинных настенных часов, без привычного циферблата и стрелок, вместо которых имелся небольшой стеклянный экранчик, на поверхности которого светились сложенные из отдельных палочек ядовито-зеленые квадратные цифры: 10:02:34... 35... 36. Последние, видимо, отсчитывали секунды, уж больно часто сменялись.

Младший лейтенант лежал на той самой хозяйской кровати в спальне, а вот как он сюда попал, хоть убей, вспомнить не мог. Последнее, что отпечаталось в памяти, – кухня, пустая водочная бутылка и забитая окурками пепельница. Затем – провал. Но нужно полагать, до койки он дошел сам, поскольку помогать явно было некому.

Поднявшись на ноги, Краснов уже привычным маршрутом отправился в ванную комнату. Поскольку постоянное наличие в кране горячей воды все еще оставалось для него чем-то запредельным, Василий, разобравшись с закрывающей ванну занавеской из незнакомого материала, скользкого, полупрозрачного и легко сминаемого в пальцах, принял холодный душ и растерся вчерашним полотенцем, за ночь успевшим высохнуть. Заодно сделав неожиданное открытие, касающееся его нового тела: на правом плече и боку обнаружились давным-давно зажившие пулевые отметины. Именно пулевые, уж чего-чего, а подобных шрамов он в своем времени насмотрелся с избытком – и в госпитале, и в бане, когда парился вместе с бывальыми фронтовиками. Покрутившись перед зеркалом, нашел и уродливые шрамы на месте выходных отверстий – оба давних ранения оказались сквозными. Значит, не ошибся он вчера, когда в собственное отражение вглядывался. Повоевал человек, определенно повоевал. И по глазам видно, и по телу...

Пройдя в одних спортивных трусах на кухню, Краснов выудил из вчерашней пачки последнюю сигарету и неожиданно задался вопросом, где, собственно, в этом коммунистическом мире будущего берут еду или, допустим, курево? Ведь явно ж не на дом приносят, чай, не баре, слуг нет и быть не может? А он по-прежнему ровным счетом ничего не знает об этом самом мире, да и документов вчера никаких так и не нашел... собственно, и не искал, сбитый с толку обнаруженным на книжной полке фотоальбомом о войне.

Докурив, парень решительно протопал в комнату один за другим выдвигая ящики стола и тщательно просматривая содержимое. И, как ни странно, почти сразу обнаружил искомое: паспорт и еще целую папку каких-то документов, отчасти бумажных, отчасти запаянных в материал наподобие занавески в санузле, только более жесткий и абсолютно прозрачный. Впрочем, документы его нисколько не заинтересовали, только паспорт – непривычного вида, с синей картонной обложкой, на которой золотыми буквами было отпечатано два слова: «УКРАША» вверху и, собственно, «ПАСПОРТ» – внизу. Между ними – незнакомый Василию знак, нечто вроде буквы «Ш», угловатой по краям и пузатенькой, с какими-то завитушками, внутри и по центру. Это что ж такое, герб какой-то, что ли? Заинтересовавшись, младший лейтенант раскрыл документ на первой странице. Цветная фотография владельца, оригинал которой он уже не раз видел в зеркале, и паспортные данные: Захаров Дмитрий Викторович, дата рождения – 22 мая 1970 года. Место рождения – Одесса, Украина.

«Почему Украина, а не СССР, Украинская Советская Социалистическая Республика?!» – мелькнуло в голове, и парень перевел растерянный взгляд влево, разглядывая надпись на внутренней стороне обложки. Снова две надписи, по-украински и на русском: «Пас-

порт громадянина України» и «Паспорт гражданина Украины». И незнакомый ему синезелтый флаг над ними. Все еще ничего не понимая, Василий пролистал тощую книжицу до конца. Данные о том, кто выдал документ, – тоже на двух языках, штамп о заключении брака и разводе, прописка. В прописке также значился город Одесса.

Отложив паспорт в сторону, Краснов ненадолго задумался. И так, кое-что прояснилось, хотя загадок меньше не стало, скорее больше. Он, вероятнее всего, в Одессе – где это, Василий прекрасно знал – знаменитый город, что и говорить. Легендарный броненосец, Потемкинская лестница, революция девятьсот пятого года, фильм Эйзенштейна, интервенция – историю мамлей любил, пусть и в рамках семилетней школьной программы. Да и политрук еще в сорок первом подробно рассказывал им о героической обороне портового города. О том, как красноармейцы и краснофлотцы, не щадя собственной жизни, удерживали румынско-немецких захватчиков у его стен, нанося им большие потери и сковывая крупные силы, так необходимые фашистам на других фронтах. О береговых батареях, ни одну из которых противнику так и не удалось захватить. И о том, как в середине осени город пришлось оставить на поругание врагу, перебросив войска Приморской армии в Крым, чтобы не позволить уничтожить главную базу Черноморского флота, город русской славы, Севастополь. Кстати, и его мехвод, Коля Балакин, отсюда родом...

Так что с этим вопросом не возникло – Одесса, так Одесса. Но почему Украина, а не СССР?! Почему во всем документе нет ни единого слова, ни единой строчки, где упоминался бы Советский Союз? Что это может означать? Может, теперь Советский Союз – вся планета? Да нет, если бы вся Земля стала СССР, неужели же в паспортах его граждан это никак не отражалось бы?! Глупости, быть такого не может. Тогда что же? Войну они выиграли, фашистов разбили наголову, вчера, спасибо фотоальбому, сам в этом убедился. Что же тогда?!

Отложив документ, Краснов распахнул самый нижний ящик и неожиданно обнаружил под какими-то бумагами пистолет, самый обычный с виду ТТ. Ого, а это-то здесь откуда? С войны его, что ли, этот самый «Захаров Дмитрий Викторович» привез? Однако, повертев оружие в руках, мгновенно убедился, что, несмотря на внешний вид и приличный вес, пистолет явно не боевой. На затворной раме какие-то белые надписи и циферки, причем первые на иностранном языке, а вместо обоймы – и не обойма вовсе, а какая-то тонкая металлическая штучковина квадратного сечения с пружинкой внутри. Если это и обойма, то недоношенная какая-то. Да и канал ствола узенький, явно не привычные «семь – шестьдесят две», даже не разберешь, чем из него стрелять-то можно. А затвор хоть и отводится, но окно для выброса гильз так и остается закрытым. Несерьезный, короче говоря, пистолет. Ладно, сейчас это явно не самый актуальный вопрос...

А вот курить, между прочим, хочется, да и продуктов в холодильном шкафу – кот наплакал. Узнать бы, есть у них тут, в светлом будущем, деньги или все бесплатно? Как там товарищ политрук говорил: «От каждого по способностям, каждому по труду», так вроде? Если деньги в ходу, то где их прошлый хозяин квартиры мог, собственно, хранить? Логично предположить, либо в карманах уличной одежды, либо в портмоне каком-нибудь. А где может находиться уличная одежда? Ну, ясно где, в прихожей, на вешалке, коль уж в этой богатой квартире имеется отдельная прихожая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.